

Е.П.Блаватская

С того света...

(Голос из американского говорящего «фонографа»)

Нечто вроде необходимого вступления

I

Получив весьма лестное предложение от г. редактора *Тифлисского вестника*¹ просвещать, по мере слабых сил своих, народы Грузии и вообще Закавказья на счет житейско-бытия сей странной, замысловато-таинственной и еще малознакомой вам расы, именуемой янками, я – скромный «Голос» с нашего циз-атлантического² берега, желая повергнуть без малейших замедлений к ногам публики всю силу легких своих (коими природа наградила меня довольно щедро), как и наблюдения собственных мозгов (коими награжден менее щедро), – тотчас же придумал план, который и осуществляю.

Недолго мешкая по получении предложения, я, «Голос», немедленно отправился к другу своему, приятелю и изобретателю новейшего чуда-юда, уже известного свету под названием фонографа, – Фоме или, говоря поэтичнее, Томасу А.Эдисону³, профессору и новому американскому усовершенствованному Вокансону⁴. Шумная обитель сего великого мужа находится в Мэнло-Парке в Нью-Джерзее⁵. Оно всего в нескольких милях от демократо-республиканского города Нью-Йорк, названного Новым – в противоположение от старого, английского Йорка, древними сеттлерами⁶ страны, разбойниками-пуританами, отвоевавшими территорию его от краснокожих.

Впрочем – извиняюсь за дигрессию⁷ – вся разница между «старым» и «новым» Йорками в том только и состоит, что приверженцы герцога Ланкастерского обманывали, обкрадывали и резали *белых* людей во имя *красной* розы⁸, а потомки пуритан-сеттлеров, как и сами деды их, обманывают, обкрадывают и режут краснокожих людей во имя «Белого дома», палаццо вашингтоновских современных дождей, как всякому у нас дураку известно. Но *revenons à nos moutons*⁹ – к Эдисону и его фонографу.

«Профессор, – мысленно рассуждал мой «Голос», быстро уносимый вместе с бренными телесами по железной дороге к Мэнло-Парку, – профессор-изобретатель “автоматического телеграфа”, “квадруплексных и секступлексных”¹⁰ депеш”, “карбонического”¹¹ телефона” (телефон проф[ессора] Бэлла¹² в другом роде и называется “магнето-телефоном”), “курсового индикатора”, “электрического пера”, “аэрофона”¹³, изумительного “говорящего фонографа” и целых дюжин

Публикуется по: Тифлисский вестник, 1878, №55, 10 марта; №56, 11 марта; №58, 14 марта, №105, 13 мая; №107, 16 мая; №108, 17 мая; №204, 13 сентября; №206, 16 сентября; №208, 19 сентября; №212, 23 сентября; №216, 29 сентября. Очерки в №107 и 108 имели подзаголовок «Письма из Америки».

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Бебутов Константин Александрович (1847–1907) – армянский журналист и общественный деятель, издатель газеты «Тифлисский вестник» (1873–1880).

² Цис (*лат. cis*) – по эту сторону.

³ Эдисон Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель и предприниматель.

⁴ Вокансон Жак (1709–1782) – французский механик и изобретатель.

⁵ Нью-Джерси (*англ. New Jersey*).

⁶ Сеттлер (*англ. settler*) – поселенец.

⁷ Дигрессия (*фр. digression*) – частичный отход, отклонение в сторону от главной темы.

⁸ Речь идет о войне Алой и Белой розы – серии вооруженных династических конфликтов между группировками английской знати в 1455–1485 гг. в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков. Геральдическим символом Ланкастеров была алая роза.

⁹ вернемся к нашим баранам (*фр.*).

¹⁰ Квадри (*лат. quadri*) – четырех, секста (*лат. sexta*) – шестая, плексус (*лат. plexus*) – сплетение.

¹¹ Карбон (*лат. carbo, carbonis*) – уголь.

¹² Белл Александр Грэхем (1847–1922) – американский ученый и изобретатель.

¹³ Машинка, прикрепляемая к паровым свисткам на фабриках, на железных дорогах – словом, всюду, где

всевозможных чудес. Он также первый выдумал “электромотограф”, посредством коего депеши телеграфируются без помощи магнетизма. Так почему же и не выдумать ему для друга и приятеля машину, которую мы, пожалуй, назовем фонографическим фельетоном? Проведя телефоно-телеграфические проволоки от письменного стола корреспондента в Нью-Йорке до письменного стола стенографа-репортера в редакции любого журнала в России или где угодно, нью-йоркский корреспондент, например, сядет импровизировать или хоть читать с приготовленной рукописи (то или другое, по мере сил и таланта) прямо в пасть фонографа. Приложив гуттаперчевый мундштук к собственным устам, корреспондент начинает медленно, “с чувством, толком и расстановкой”¹⁴... передавать «Илиаду» свою с циз-атлантического на транс-атлантический берег. Стенограф-репортер слышит голос, громко говорящий и раздающийся из фонографа, [стоящем] на собственном, положим, купленном на армянском базаре столе, быстро записывает и вот вся и штука. И никаких марок почтовых не требуется; никаких почтамтских задержек не случается, хоть все “чугунки”¹⁵ себе перепортитесь... Нам-то американцам никакого дела до них нет. Воздух и известное количество электричества и магнетизма всегда найдется для нас, пока шар земной все еще обращается вокруг своей оси, да хоть и самый шар-то улети в бесконечные пространства вселенной, так и то нам горя мало. Перепрыгнем, даст Бог, на первовстречную планету и там станем продолжать фонографировать друг с другом. У нас в запасе есть, кроме Эдисона, некто м-р Стюарт в городе Франклине, который занят в настоящую минуту изобретением портативного пузыря (не мыльного, а из тончайшей и несокрушаемой резины). Чуть какой такой катаклизм случись непредвиденный и всякий запасшийся подобным пузырем вытаскивает его из бокового кармана, влезает в него (даже может забрать с собою и семейство, не исключая тещи) и шар мгновенно раздувается от одного дыхания человеческого внутри его и, величаво поднявшись в высь, отправляется путешествовать по вселенной¹⁶...»

Опять дигрессия! Этак, пожалуй, объяснительное мое вступление еле окажется в границах обыкновенного предисловия. Но так как раз сказанного слова в фонограф уж «не вырубить топором», то, извинившись еще раз, продолжаю.

Приехав в Мэнло-Парк, я тотчас отправился в верхний этаж дома, состоящий из одной громадной лаборатории профессора, наполненной электрическими машинами. В дверях стоял великан-полисмен с поднятой деревянной стукалкой¹⁷ своей, задев нечаянно которую, я тотчас же получил тумака по голове, а владелец стукалки, расхохотавшись демонским смехом, сперва во все горло заорал «Янки-дудл»¹⁸, а затем, в ответ на мой изумленный взор, обиженно произнес совсем

приходится собирать рабочих в известный час, – называется *аэрофоном*. «Голос» имел удовольствие разговаривать и рассматривать на днях подобную штуку. Как только людям пора обедать и пар выпускается машинистом, аэрофон начинает кричать человеческим голосом, таким громким и пронзительным, что он слышен за две мили: «12 часов!.. Гэй, малые... г. работники, обед готов! Пудинг остынет!», и затем аэрофон начинает ради увеселения рабочих отпускать разные шуточки, балагурничает, поет петухом, лает собакой и т.д. Ежедневно что-нибудь другое, так как машина передает все то, что наперед начертано на металлической диафрагме, кусок которой «Голос» имеет честь препроводить г. редактору *Тифл[исского] вестн[ика]*, – только, к сожалению, не по телеграфу, но дойдем еще и до этого, – а пластинки покупаются дюжинами за несколько центов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

См.: «Изобретатель *фонографа* Эддисон в настоящее время представил на парижскую выставку новый им изобретенный аппарат *аэрофон* (аerophon), который повторяет сказанные слова звуком в 500 раз сильнеешим. Аппарат этот приводится в действие паром и может быть с успехом применен на кораблях во время шквалов, бурь и других случаях вместо рупора и на сухом пути для отдания приказа войскам на дальнее расстояние. Владелец музея г. Гаснер едет в Париж, чтобы поближе ознакомиться с аэрофоном, и если найдет его таковым, как о нем пишут, то жители Петербурга осенью увидят и это изобретение в его музее» (Новое время, 1878, №799, 21 мая, раздел «Хроника»; см. также: *Аэрофон // Кавказ*, 1878, №104, 9 мая).

¹⁴ Слова из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума».

¹⁵ Чугунка (*устар.*) – железная дорога.

¹⁶ Подробности о сей новой штуке – ультра-«чуде-юде» мы сообщим другой раз. «Голос». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁷ Club – короткая палка или жезл полисменов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁸ Народная песня янки*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

«Янки-дудл», «Янки Дудль» (*англ. Yankee Doodle*) – национальная песня в США, в настоящее время понимаемая в патриотическом ключе (хотя первоначально возникшая в качестве юмористической). Была одним из первых гимнов США, который использовался короткое время во время войны за независимость США. Также является гимном штата Коннектикут.

другим голосом: «Вокансон только и изобрел, что одну “утку”¹⁹, а мой родитель, Томми Эдисон, устроит вам всякую птицу... На днях он одарит страну невиданным и доселе неслыханным чудом – *честным сенатором!*» Последние слова были произнесены с таким торжественным пафосом, что «Голос» положительно задрожал от неудержимого хохота, обмениваясь приветствиями с Т.Эдисоном, насилиу отыскав профессора. Забившись в далекий угол, мой юный друг (ему всего 30 лет), более напоминающий мальчика-подмастерья, нежели ученейшего естествоиспытателя, электрика и механика, сидел на корточках перед чем-то вроде неуклюжей печки весь в постном масле, саже и покрытый дополнительным слоем пыли. Бедный молодой человек почти совершенно глух (вследствие взрыва какой-то адской машины, изобретенной им, когда ему еще не было и 15 лет) и, однако, проницательность его до того замечательна, что он совершенно свободно понимает собеседника, следуя лишь за одним движением губ. Огонь гения блестел в его серых глазах; массивный белый и чистый лоб (в настоящий момент, впрочем, грязный) склонялся над новой машиной, и мне пришлось толкнуть его несколько раз прежде, чем он обратил на меня свое внимание.

– Вот мой усовершенствованный «говорящий телефон» – сказал он, указывая на нечто подобное простому сигарному ящику на столе. Внутри кусок металлической бумаги – немного толще свинцовой бумаги, которой обертывают фунты чая, – окружал цилиндр, приводимый в движение деревянной ручкой, а к цилиндру был прикреплен кусок гуттаперчевой трубки в палец толщиной. Когда профессор дал толчок ручке, то какие-то странные звуки посыпались из отверстия.

– Этот гуттаперчевый мундштук – просто искусственная диафрагма, – объяснил он. – Отверните его и вы увидите, что кроме тонкого металлического диска тут ничего нет. Говоря в мундштук, вибрации голоса приводят в сотрясение диск, приспособленный центральной точкой своей к тонкой стальной шпильке. Другая часть аппарата состоит из медного цилиндра с зубцами, вырезанными наподобие спиральной части штопора. Обвернув цилиндр куском оловянной бумаги, я прикрепляю мундштук к нему так, чтобы стальная шпилька дотрагивалась до бумаги немного выше зубцов. Затем я верчу цилиндр посредством ручки и говорю в мундштук. Вибрации моего голоса приводят диск в сотрясение, а шпилька накалывает малейшие звуки на металлическую бумагу, оставляя на ней перфорации, похожие на старую азбуку морсовского²⁰ телеграфа. Эти перфорации в действительности – стереоскопические виды человеческого голоса, как и всякого другого звука, которые запечатлеваются на металлическом листе навеки и будут повторяться с оного бесчисленное множество раз – хоть через сто или тысячу лет, словом, пока сам не истреплется в куски.

Прокричав в фонограф всевозможные речи, две-три песенки, чихнув, прокашлявшись и фыркнув в него, профессор окончательно прорычал в отверстие: «Сегодня, 8 февраля 1878 года, приходил к Томасу Эдисону “Голос” из Нью-Йорка и, помешав ему заниматься делом, ушел, не совершив ничего особенно достопримечательного в этот день»...

– Вот и ошиблись! – воскликнул я. – Я пришел с новым проектом...

Профессор наострил уши и весь обратился во внимание. Я объяснил ему свой «план» «фонографо-телефоно-стенографо-репортерского» фельетона; мой приятель обещал мне тотчас же снабдить меня оным и принялся объяснять все мистерии фонографа как необходимую науку для удачайшего применения оного в корреспондентской практике. Между прочим, он остерег меня против неосторожного поворота ручки в противную сторону. «Поговорите в фонограф, – предложил он мне, – что-нибудь по-русски... отрывок из вашего будущего фельетона, например».

Повинуясь, «Голос» мой проговорил с величайшим чувством: «Северная Америка с ее первоначальной конституцией 1787 года и политикой, религией и нравами 1878 года представляет величайший в подлунном мире *парадокс*... О боги древней греческой республики, полюбуйте только этой современной, уже совсем безбожной республикой... Караул!.. Сумбур!.. Режут Колумбию!!» «Что это вы молитву, что ли читаете?» – сперва спросил профессор... Но услышав

¹⁹ Ж.Вокансон конструировал различные механические игрушки. Из них известнейшими были медные утки, которые порхали, били крыльями, клевали рассыпанный корм.

²⁰ Морзе Сэмюэл (Morse, 1791–1872) – американский изобретатель и художник. Наиболее известные изобретения – электромагнитный пишущий телеграф и код (азбука) Морзе.

последние слова, добавил: «Разве и у вас в России есть тоже методисты, что вы выкрикиваете ваши молитвы на весь квартал, как и наши?»

– Как же, и у нас тоже найдутся такие. Нешто монополия на них у вас одних, что ли? Конечно, это молитва, и весьма горячая...

– А, хорошо! Ну, слушайте же, как ее верно повторит мой фонограф.

Он покрутил ручку направо, и при первых словах меня так и обдало невольным трепетом... Мой голос, собственный, знакомый мне с детства, настоящий голос «Голоса», передавал с малейшими интонациями, небольшой хрипотой и даже с собственным конфузным пришепетыванием (происходящим от вставного зуба)!

Невольно бросил я взгляд в зеркало – уста мои были крепко сомкнуты, а говорил – сам я!

– Тьфу, ты, нечистая сила! – проговорил я в порыве бессмысленного удивления.

– Каково! Ну а теперь слушайте, что вам голос скажет, если мы станем крутить ручку навыворот.

И он стал медленно поворачивать ее к себе.

– Колумбию режут! – заорал мой голос в фонографе, так что стеклянные шары с купоросом затряслись среди лаборатории и зеленые пятна от теней их зловеще запрыгали по дубовому полу. – Сумбур! Караул!.. Республикой безбожной совсем уж современной этой только полюбуйте республику греческой древней боги. О... парадокс... мире подлунном в величайший представляют года восьмого семьдесят восемьсот тысяча нравами религией политикой и года, и пр., и пр.

Эффект вышел необычайно комический!..

Затем профессор пригласил меня повторить какое-нибудь известное английское стихотворение. Я проговорил в мундштук перевод с французского «Октябрьской ночи» Мюссе²¹. Передаю его приблизительно из той же поэмы, появившейся недавно в русском переводе в *Вестнике Европы*²²:

Я ждал ее... Все нет! В невольном содроганье
Поник я головой, и в любящую грудь
Вонзилось черное, большое подозренье:
Измена, может быть?.. Как прежде за окном...
О Муза, веришь ли, той женщиной пустою
Безумный был огонь зажжен в моей груди! etc.²³

Пока я вливал в мундштук эти пламенные слова любви, ревности и разочарования, профессор прикрепил к тому же цилиндру другой гуттаперчевый туб и попросил меня продолжать поэму, не обращая на него внимания, стал с небольшими расстановками покрикивать в фонограф отрывистые фразы. Когда мы оба кончили и Эдисон опять завертел ручку, то вышло следующее странное стихотворение:

Я ждал ее... *Черта с два...* Все нет... *А нет, так и не надо.*
В невольном содроганье... *Клубника свежая!*.. Поник я головой.
*Семь центов кварта*²⁴... И в любящую грудь... *Ах, как я рада.*
Вонзилось черное... *Черная смородина свежая...* Большое подозренье.
...Ах ты, старая голова пудинга!.. Измена, может быть!
Ку-кури-ку!.. Как прежде за окном... *Милиция... Марш вперед!*
О муза, веришь ли... *О цыц... молчи!*.. Той женщиной пустою...
Да замолчи!.. *Ступай ты к черту!* Безумный был огонь...
Вон, вон его... Зажжен... *Спички сухие!*.. В моей груди!..

²¹ Мюссе Альфред (1810–1857) – французский поэт, драматург и прозаик.

²² Поэма А.Мюссе «Октябрьская ночь» была напечатана в журнале «Вестник Европы» (1878, №1) в переводе С.А.Андреевского.

²³ Etc. (*лат. et cetera*) – и другое, и тому подобное, и так далее.

²⁴ Кварта – единица измерения сыпучих или жидких объемов в англоязычных странах, равная около 946,35 миллилитра.

Профессор крутил ручку все быстрее и быстрее. Так как стихотворение, декламированное в фонограф, было вдесятеро длиннее нескольких слов, приведенных мною здесь для примера, то под конец вышло нечто невообразимое, непередаваемо смешное. Крики попорченной любви и отчаяния, плавно выливаясь из трубы, перемешивались с уличными криками торговцев; упрекам изменнице вторил полисмен, а на увещания музыки отвечал собачий лай и чрезвычайно искусное кудахтанье курицы, снесшей яйцо; и все это окончательно смешалось, слилось. Слова и даже склады то быстро вылетали одно за другим, то верхом друг на друге, сцепившись и вдогонку. Эта ужасная какофония увенчалась тем, что профессор, быстро перебежав к другому фонографу, угостил меня великолепнейшей фантазией на скрипке Вьетана²⁵, сыгранной в трубку несколько дней перед тем одним знаменитым итальянским артистом.

– Как видите, – сказал мне на прощание Т.А.Эдисон, – мой фонограф является мастером для всякого дела. Возможностям в будущем в практических применениях оных с фонографом нет границ... и я это докажу! Куклы и автоматические игрушки станут у меня повторять все басни Эзопа²⁶, учить детей арифметике и всем правилам первоначальных наук – играя; твердя постоянно уроки с игрушками, ребята без всякого умственного усилия, столь вредного для слабых детей, станут заучивать и помнить навеки заученное... Учителями и наставниками их будут куклы, повторяя с непогрешимой аккуратностью и голосом самих профессоров раз им сказанное последними. Таким образом, одного учителя и нескольких автоматов-репетиторов достаточно будет на несколько тысяч детей. Какая громадная экономия для правительства и самих родителей! Уже Барнум²⁷ задумывает целый музей²⁸ – вроде лондонского *madame Tussard*²⁹ – восковых фигур всевозможных европейских и американских знаменитостей, которых я снабжу и оригинальными голосами, и подлинными мыслями представляемых ими личностей. Великий трагик Эдвин Форест³⁰ будет повторять лучшие места из своих ролей; восковая *m-lle Patti*³¹ может в продолжение целых часов очаровывать слух любителей, которые воспользуются совершенно тем же удовольствием за 20 центов платы в музее, за что меломаны платили доселе по 20 долларов и более. Всякий человек из тех, кто еще находится в живых, может, если пожелает, обессмертить себя, свой голос, свои идеи навеки, потому что я еще изобрету такие металлические листы, которые будут в состоянии противостоять и порче, и времени! Всякий лист (*matrixes*³² – зовут их Эдисон) может быть копирован в тысячи экземпляров и продаваться за бесценок всякому, у кого есть только свой фонограф... Обладателю оного стоит только сесть у себя дома перед камином и, закрутив ручку, наслаждаться целые часы пением лучших артистов; заучивать на досуге лекции профессоров; получать письма от друзей, отвечать им не на бумаге, а голословно посылая в конвертах металлические листки с несокрушимыми отпечатками собственного своего голоса... Скажите, не правда ли, какая радость, вместо холодного бессмысленного куса бумаги с мертвыми буквами, получать от близких сердцу людей за тысячи миль приветствия, слова любви и дружбы и целые длинные разговоры, раздающиеся в нескольких вершках³³ от особы, получившей матриксу, и это со всеми интонациями, особенностями голоса говорящего; и не один раз, а двадцать, тридцать, сто, тысячу раз повторяемые, так как это будет зависеть от воли получающего!.. Но это еще не все, – добавил Эдисон, таинственно понижая голос, хотя в комнате кроме нас никого другого не было: и серые глаза его засверкали, лицо под тройной маской сажи, масла, сала [озарилось] каким-то чудным, божественным светом гения, главная цель которого направлять богами данный дар в пользу человечества. – Это не все – я поставил себе задачей уничтожить одно из главнейших зол в судопроизводстве: спасти посредством фонографа вдов и сирот от

²⁵ Вьетан Анри (1820–1881) – бельгийский скрипач и композитор.

²⁶ Эзоп – полулегендарный древнегреческий поэт-баснописец, предположительно жил около 600 г. до н.э.

²⁷ Барнум Финneas Тейлор (1810–1891) – американский шоумен и антрепренер, организатор цирка своего имени.

²⁸ музей (*англ. museum*).

²⁹ мадам Тюссо (*англ.*).

Тюссо Мария (1761–1850) – создательница музея восковых фигур в Лондоне.

³⁰ Форрест Эдвин (*Forrest*, 1806–1872) – американский актер-трагик.

³¹ Патти Аделина (1843–1919) – итальянская оперная певица (колоратурное сопрано).

³² матрицы (*англ.*).

³³ Вершок – старорусская единица измерения длины, равная 4,445 см.

разорительных процессов, влекущих одну сторону судящихся в бездну преступлений, фальшивых показаний и часто нравственных смертоубийств и повергающих другую, проигравшую тяжбу сторону – в нищету и гибель³⁴ ...

– Но каким образом?..

– Очень просто... Следили ли вы за процессом Коммодора Вандербильта³⁵ и ссорой детей его из-за 100 миллионного наследства?

– Конечно... Но ведь духовная доказывает, что он помимо прочих детей оставил все эти 100 миллионов одному сыну своему Вильяму³⁶?

– Да, но есть свидетели, которые показывают под присягой, что старик в последние минуты жизни раскаялся; что он ясно высказал сиделке желание переменить завещание, но что он не успел. Теперь подумайте, если бы только у Коммодора был фонограф под рукой. Силы умирающего ребенка и той достаточно для того, чтобы поднести мундштук ко рту и шепнуть несколько слов... Мой фонограф должен находиться возле каждого умирающего. Вообразите, какой бездны горя, постыдных для умершего и его семейства показаний, разглашения семейных тайн, наконец, было бы избегнуто, если бы у Вандербильта случился под рукой фонограф! «Я раскаялся... разделяю имущество поровну!» – шепнул умирающий, и этих слов было бы достаточно для избегания постыднейшего в летописях Соединенных Штатов процесса. Подпись и почерк можно подделать – голоса одной личности невозможно подделать другой личности, и фонограф мой явится спасителем во многих запутанных процессах!..

– Да, – в раздумье повторил я за ним. – Но когда вы думаете начать продажу фонографов?

– Месяца через два... самый поздний срок. Лучший фонограф будет стоить не более 150 долларов, но у меня будут и гораздо более дешевые *матрицы*, т.е. металлические листы с песнями, проповедями, со всеми звуками инструментов и оркестра будут продаваться как ноты и могут быть употребляемы на всяком фонографе. Знаете, я серьезно задумал сделать из нашей будущей богини Свободы³⁷ настоящее восьмое чудо света. Я намерен устроить у нее во рту фонограф и сделать из нее живую статую, говорящую так громко, повторяя самые мудрые изречения отца страны Вашингтона³⁸, чтобы всякий проживающий на Мангатанском острове (Manhattan)³⁹, и особенно в Нью-Йорке, мог бы ее слышать...

– Как это вам посчастливилось сделать подобное открытие? – спросил его на днях репортер нью-йоркской газеты «Sun».

– Чистая случайность, – отвечал профессор. – Я как-то напевал в мундштук телефона, когда внезапно вибрации моего голоса с такой силой отбросили тонкую стальную шпильку в мою сторону, что она воткнулась мне прямо в палец острым концом. Это-то и навело меня впервые на мысль. Если мой голос показывал способность приводить в движение шпильку, а эти движения могли бы быть правильно обозначены, то я не видел причины, почему бы эта самая штука не могла воспроизводить не только звук голоса, но и слова. Я сперва попробовал на клочке телеграфной

---

³⁴ Прошло несколько лет и записывающие возможности фонографа уже использовались при раскрытии преступления в детективном рассказе Мильна «Фонограф-свидетель» (Московские ведомости, 1889, №277, 7 октября).

³⁵ Вандербильт Корнелиус (1794–1877) – один из богатейших и успешнейших предпринимателей США XIX столетия, железнодорожный магнат, получил прозвище «Коммодор».

³⁶ Вандербильт Уильям (1821–1885) – железнодорожный магнат, сын К.Вандербильта.

³⁷ Уже прошло несколько лет с тех пор, как стали готовить для этой статуи место, очистив остров Бедлоэ* и даже разорив на нем крепость в нью-йоркской гавани. Статуя эта отливается известным художником Бартольди** и будет стоить 800 тысяч дол[ларов]. Это бронзовое чудовище 260 футов*** вышины с включением гранитного пьедестала. Идея великая, а исполнение по всем отзывам достойно идеи. Богиня Свободы держит в правой высоко поднятой руке факел, а на челе у нее корона из золота со сквозными бойницами. Из факела, как и из короны, будет каждый вечер и всю ночь струиться электрический свет, освещающая всю гавань и море. Одна рука уже привезена в Нью-Йорк и выставлена в Мэдисон-сквере в саду. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Бедлоу (англ. Bedloe).

** Бартольди Фредерик Огюст (1834–1904) – французский скульптор.

*** 79,2 м.

Фут – единица измерения длины в английской системе мер, равная 0,3048 м.

³⁸ Вашингтон Джордж (1732–1799) – американский государственный деятель, первый президент США (1789–1797).

³⁹ Остров Манхэттен.

бумаги и нашел, что шпилька записала всю азбуку. Я закричал: “Гэлло! Гэлло!”⁴⁰ в мундштук и услышал слабое, но ясное “Гэлло! Гэлло!” в ответ. Тогда я решил серьезно заняться этим... Вот и вся история. Этим изобретением я обязан... уколу пальца⁴¹.

Вернувшись домой с небольшим ручным фонографом, подаренным мне изобретателем, я тотчас же снесся с Тифлисом, посредством одному мне известной магической штуки. Пока это еще секрет, хоть все вышеописанное мною есть общее достояние американской и европейской прессы. С помощью приятеля моего Томаса Эдисона г. редактор *Тиф[лисского] вестника* будет аккуратно получать от меня фельетоны без обычной помощи почты, бумаг и чернил. Доколь редакция свято сохранит мою тайну, до тех пор я останусь верным корреспондентом оной, мгновенно передавая ей самые свежие новости, самые одуряющие «сенсации» и стану посвящать тифлисскую публику в закулисные тайны Соединенных Штатов Америки. Множество фонографов секретно установлены мною и рассеяны по всей Америке, начиная от президентского «Белого дома» и кончая кабаками, служащими местами сходки для туземных «политиканов». Да не будет «гласом вопиющего в пустыне» мой «Голос».

II

Северо-американский климат, но в особенности нью-йоркский, обладает замечательными свойствами. Одно из самых удивительных, это способность его создавать из всякого иностранца, будь он самой распрозаической личностью, даже пешкой, глубокого аналитика, наводя на него целый рой размышлений, сравнений и выводов, если и не всегда, положим, философических, то, во всяком случае, софистических, и если не на платформе перед публикой либо с кем другим, то просто с самим собою.

Этот климат вследствие постоянно накапливаемых в атмосфере и с каждым днем более ощущающихся эмигрантских испарений или, говоря языком здешних спиритов, *ауро-эфиро-электро-магнетических*⁴² эманаций ежедневно прибывающих масс имеет чудную способность превращать всех и каждого, большого и малого, умного и глупого, мужчин, женщин и католических попов, в ораторов-лекторов и в философов-диссертаторов⁴³. Анализируя сей феномен методом современной науки, так сказать, индуктивно, мы полагаем, что это происходит вследствие того, что большая часть эмигрантов, вынужденная испаряться из Европы абстрактно и притом сильно потя со страха на всем пути из Старого Света, пока не переедет магической черты (дарящей полную безопасность) трех миль от сев[еро]-амер[иканского] берега, конкретизируется⁴⁴ тем сильнее за вышеупомянутой чертой, наверстывая таким образом за все годы невольной сдержанности. Легко и свободно дышится человеку в атмосфере полнейшей безнаказанности, особенно такому, который оставил о себе «на том берегу» несколько противозаконных хроник меж сыщиками. Здесь ему и воровать-то легче, и умерщвлять так, чтобы концы в воду, сподручнее, да и не в пример больше шансов (особенно со времен эмигрантского наводнения страны ирландцами) попасть прямо из кабачников в альдермены⁴⁵, в сенаторы и даже в методического епископа или в мормонского архиерея, в «святого последних дней»⁴⁶. Понятно, что вследствие подобной радостной перспективы в стране, где стоит лишь продать себя той либо другой партии, сделаться креатурой⁴⁷ политиканов («politician») – титул, впрочем, давно уже перешедший в ругательное

⁴⁰ Хеллоу (*англ.* hello) – алло.

⁴¹ См.: A Marvelous Discovery. The Bedloe's Island Statue to Talk and Whistle. A Man of Thirty-One Revolutionizing the Whole World. The Untold Wonders of the Speaking Phonograph. A Visit to Prof. Thomas A. Edison, of Menlo Park, N.J. // The Sun, February 22, 1878 (Удивительное открытие. Статуя острова Бедлоу сможет говорить и свистеть. Мужчина тридцати одного года, производящий революцию во всем мире. Бессчетные чудеса говорящего фонографа. Визит к профессору Томасу А. Эдисону из Менло-Парка (Нью-Джерси) // The Sun, 1878, 22 февраля).

⁴² Аура (*англ.* aura) – невидимая человеческим глазом оболочка, которая окружает тело человека или любой иной живой объект, то есть животное, растение, минерал и т.д.

⁴³ диссертантов (*англ.* dissertator).

⁴⁴ конкретизируется (*фр.* concréter).

⁴⁵ Альдермен (*англ.* Alderman старейшина) – в США член городских управлений.

⁴⁶ Мормоны – приверженцы, участники, последователи мормонизма, крупнейшей ветви движения «святых последних дней».

⁴⁷ Креатура (*лат.* creatura) – ставленник влиятельного лица.

поздравление, – так и распирает в новоприезжем все пары. Не только арабский конь, но подчас и полудохлая кляча, выпущенная после долгого заточения на свободу, тотчас же начинает весело лягаться, брыкаться в подходящего и наполнять воздух радостным ржаньем. Так и в нашем свободном «климате», который тотчас же перерождает и коня, и клячу в нечто совершенно своеобразное, в тип чисто американский, не скоро и с великим затруднением раскусываемый туристами за океан – «на час». Мозг делается податливее и принципы, – коли они когда имелись, – как и нервы, делаются эластичнее. Мы видим здесь поэтому, как крепкоголовый ирландец – «сын Изумрудного острова»⁴⁸, воспитанный на сыром картофеле, древесной коре да под палкой полисмена, и тяжеловесный немец, еще столь недавно трепетавший, завидя одну тень полицейского чиновника, и даже – разиньте рты от изумления, о невинные соотечественники, засунув в оные пальцы недоумения, – мы видим даже... как счастливо улизнувший от неосторожного *гешефта*⁴⁹ всем нам знакомый Шмулька и двойник его Сруль превращаются, как и два первых, в непобедимых в красноречии Демосфенов⁵⁰. Всегда готовые по первому знаку взлетать неудержимым вихрем на первопопавшуюся импровизированную *бэму*⁵¹, более известную здесь между материалистами под латинским названием *рострума*⁵², они тотчас же начинают поучать с высоты оной народы Греции... то бишь Америки.

Уж таков «климат». По этому одному весьма понятно, что он стоит несравненно выше всякого другого. И впрямь он у нас диковинный, совершенно своеобразный, так сказать, присущий одной лишь Америке, с «собственным запахом», как чичиковский Петрушка. Вот поэтому-то мы им весьма и гордимся. Куда ни сунься, за что ни возьмись, все у нас выходит по-нашему – ладно, по-вашему – шиворот-навыворот. То, что в застарелых понятиях не только европейца, но даже и вашего брата азиата «черное» – у нас зовется белым; то, что вы воображаете левой – у нас слывет за правую сторону; вы, как вообще все простые смертные, ходите на ногах, а мы так все больше норовим совершать все жизненные пассажи на головах. Вы, отсталые ретрограды, снимаете, входя в дома и друг перед другом (а особенно перед дамами и старшими), шляпы, а мы так надеваем их перед самым носом президента и супруги его, мы обедаем в них и даже подчас ложимся в них спать!

Современная наука, надменно циническая, холодная, все разрушающая, недавно в лице нашего знаменитого профессора Джона Дрэпера⁵³ изволила сильно подтрунивать над Августином⁵⁴ и Лактанцием⁵⁵ за упрямое сопротивление обоим уверовать в сферообразность нашего подлунного шара⁵⁶. В свою очередь, ученый Лактанций, наставник любимого сына⁵⁷ императора Константина⁵⁸, того самого, *en passant*⁵⁹, которого сей царственный святой нечаянно умертвил в припадке родительской нежности, оставил потомству не менее неотразимый аргумент.

---

⁴⁸ Благодаря мягкому климату Ирландия весь год покрыта зеленью, за что стала известна как Изумрудный остров.

⁴⁹ Гешефт (*нем.* Geschäft) – мелкое выгодное предприятие, торговая сделка.

⁵⁰ Демосфен (384–322 до н.э.) – древнегреческий оратор и политик.

⁵¹ Греческий термин, получивший у нас право гражданства с тех пор, как одиннадцать миллионов туземных спиритов доказали скептикам, что Демосфен соблаговолил снова воплотиться на земле в особе м-сс Виктории Уджелл (Woodhull)*, знаменитой ораторши и лекторши «о женских правах». «Голос». – *Примечание Е.П. Блаватской.*

* Вудхалл Виктория (Woodhull, 1838–1927) – американская феминистка, медиум.

⁵² Бэма (*гр. βεμα*) – кафедра.

Рострум (*лат. Rostrum*, клюв) – трибуна на форуме в Древнем Риме, украшенная носами кораблей, захваченных у неприятеля; трибуна, кафедра.

⁵³ Дрейпер Джон Уильям (Draper, 1811–1882) – английский физик, химик, физиолог, историк, писатель.

⁵⁴ Аврелий Августин Иппонийский (354–430), также известный как Блаженный Августин – богослов, философ и епископ Гиппона Царского в Нумидии, римской провинции в Северной Африке. Его труды повлияли на развитие западной философии и западного христианства, и он считается одним из самых важных отцов католической церкви в святоотеческий период, его труды и житие получили признание и в православной церкви.

⁵⁵ Августин (354–430) – христианский богослов, философ, проповедник, политик.

Лактанций (ок. 250 – ок. 325) – христианский философ и писатель.

⁵⁶ См.: *Draper J.W. History of the Conflict between Religion and Science.* New York, 1874. P. 6364 (*Дрейпер Дж. У.* Конфликт между религией и наукой. Нью-Йорк, 1874. С. 6364).

⁵⁷ Флавий Юлий Крисп (ок. 305–326) – старший сын Константина Великого.

⁵⁸ Константин Великий (272–337) – римский император с 306 г.

⁵⁹ между прочим, к слову сказать (*фр.*).

Нелепость человеческих теорий гелиоцентричности вообще, а шарообразия нашей планеты в особенности, он доказывал тем, что если наша матушка-земля и действительно кругла, наподобие сирийской тыквы с обгрызенными красными муравьями полюсами, так все-таки следует в силу прямейшей логики полагать, что на противоположной стороне ее и нивы, и деревья растут корнями вверх, «а людям» так и приходится всю жизнь провести с подошвами, обращенными к солнцу, и прискакивая по тротуарам на крепких макушках⁶⁰.

Не говоря уже об ученом берлинском профессоре Шрепфере⁶¹, который в настоящий момент дал – полной немецкой эрудиции дланью – такую здоровую затрещину Галилею⁶², что, начиная от Ньютона до Гершеля⁶³, вся астрономическая аристократия, так слепо бредущая по пятам великого флорентинца, сбита оною с ног и повалена наподобие карточных солдатиков⁶⁴, – всякий дурак, хоть раз побывавший в Америке, должен теперь сознать всю глубокую мудрость Лактанция. Сей отец церкви, очевидно, говорил метафорически, а вдобавок, аллегория его является перед нами в чисто пророческом свете. Сорок миллионов северо-американцев или, говоря языком вульгарности, янки с первой минуты высывания носов на Божий свет до гробовой доски родятся, женятся, плодятся, исповедуют свои сто семьдесят две разношерстные деноминации⁶⁵ – сиречь⁶⁶ догматы сект своих – и отправляются к праотцам вверх ногами! Антиподы европейских народов географически, они являются еще большими антиподами остальных народов во всех физических, психологических, метафизических, политических, религиозных, социальных и домашних вопросах жизни. Не верится вам... о маловерные?.. Так позвольте же хоть ничтожному и робкому, но зато правдивому автору сих откровений «С того света» представить почтеннейшей публике несколько всем известных фактов. В пять лет почти постоянного пребывания в Нью-Йорке, ни разу не выезжая из Америки, льщу себя надеждой, что удалось «досконально» познакомиться со своей второй «родиной». Касаясь лишь всем известных, крупных черт американской жизни, я также вовсе не отступаю от правила воздавать добром даже за всякое зло, а напротив, отдавая кесарю

---

⁶⁰ См.: «Тому же, что рассказывают, будто существуют антиподы, т.е. будто на противоположной стороне земли, где солнце восходит в ту пору, когда у нас заходит, люди ходят в противоположном нашим ногам направлении, нет никакого основания верить. Утверждающие это не ссылаются на какие-нибудь исторические сведения, а высказывают как предположение, основанное на том, что земля держится среди свода небесного и что мир имеет в ней в одно и то же время и самое низшее, и срединное место. Из этого они заключают, что и другая сторона земли, которая находится внизу, не может не служить местом человеческого обитания. Они не принимают во внимание, что, хотя бы и возможно было допустить или даже как-либо доказать, что фигура мира шарообразна и кругла, из этого еще не следует, что та часть земли свободна от воды; да если даже была бы и свободна, из этого отнюдь не следует, что там живут люди» (*Аврелий Августин. О граде Божьем, XVI, IX*).

См.: «А что сказать о тех, кто полагают, будто существуют противоположные нам антиподы? Неужели они говорят не вздор? Есть ли какой-нибудь такой же глупец, который бы стал думать, что существуют люди, чьи ступни были бы выше головы? Или что где-то висит то, что у нас, наоборот, лежит? Что травы и деревья растут, обратившись вниз? Что там дожди, снег, град идут снизу вверх? И кто удивится, что среди чудес света называют висячие сады, после того как философы сделали висячими и поля, и моря, и города, и горы? Нам следует открыть происхождение подобного заблуждения. <...> Если же Земля шарообразна, то необходимо, чтобы со всех сторон неба она имела один и тот же вид, т.е. везде бы возвышались горы, простирались бы поля и шумели моря. Если бы это было так, то это приводило бы к выводу о том, что не может быть ни одной части земли, где не обитали бы люди и прочие животные. Так шарообразность неба приводит к измышлению тех висячих антиподов. Если бы ты спросил у тех, кто защищают эти вымыслы, каким же образом антиподы не падают вниз того неба, они ответят, что природа вещей такова, что тяжелые вещи тяготеют к центру, и в центре все соединяется, как спицы в колесе. Такие же легкие вещи, как облака, дым, огонь, отталкиваются от центра, чтобы подниматься к небу» (*Лактанций. Божественные установления, III, 24*).

⁶¹ Шёпфер Карл (1811–1876) – немецкий писатель и журналист, никогда не преподавал в университете; написал множество брошюр на самые разные темы.

⁶² Галилео Галилей (1564–1642) – итальянский физик, механик, астроном, философ и математик. При жизни был известен как активный сторонник гелиоцентрической системы мира, что привело его к серьезному конфликту с католической церковью.

⁶³ Ньютон Исаак (1643–1727) – английский физик и математик.

Гершель Джон (1792–1871) – английский астроном и физик.

⁶⁴ См., например: *Schöpfer K. Die Erde stehet fest. Beweise, daß die Erde sich weder um ihre Achse noch um die Sonne dreht. Berlin, 1853 (Шёпфер К. Земля стоит твердо. Доказательство того, что Земля не вращается ни вокруг своей оси, ни вокруг Солнца. Берлин, 1853)*.

⁶⁵ Деноминация (от *лат. denominatio* переименование) – в религиоведении тип религиозной организации в христианстве.

⁶⁶ то есть (*устар.*).

кесарево, а Богу – должное Ему, надеюсь оказать услугу, во-первых, читателям, мало знакомым с нашим светом, а во-вторых, выставить друзей моих, янки, в их настоящем колорите – так сказать во всей лучезарности их транс-атлантической красоты.

Начнем сперва с обвинения северо-американцев в том, что они проводят более половины жизни «вверх ногами», в буквальном и физическом смысле слова, а затем, оправдав Лактанция, перейдем к примерам в более фигуративном⁶⁷ смысле. «Чем дальше в лес, тем больше дров» найдем для вас, любезный читатель.

III

Дебаркируйте⁶⁸, приехав в Нью-Йорк в любой воскресный, либо просто в теплый день, или же в короткие минуты отдохновения, гг. коммерсантов и спекуляторов⁶⁹ «нижнего города». Пройдитесь от «батареи»⁷⁰ до центрального пункта Бродуэя⁷¹ за Юнион-сквером (около 4 миль), и десять шансов против одного, что кроме рабочих обоюбого пола, незнакомых с «часами отдохновения», вы не встретите на улицах ни одного гражданина «из порядочных». Зато вы имеете всевозможные шансы осмотреть несколько сот тысяч подошв сапог на ногах этих самых граждан, туловища которых останутся для вас все время невидимыми. Вися головою вниз и всем корпусом под прямым углом 90 гр[адусов] на креслах-качалках, «граждане» наши, скрытые в тени за амбразурами окон, за перилами балконов, веранд, террас, за портиками, за каждой колонной, высоко упираются пятками во что попало, и, – подогревая подошвы и блестя гвоздями каблучков на солнце, – заявляют о существовании своем лишь периодическими сплевываниями табачной жвачки – также на что попало – и это с аккуратностью часового маятника. Затем, дойдя до конца Бродуэя, зайдите в вокзал, садитесь в вагон и проезжайте несколько станций, наблюдая все время из окон. По обеим сторонам дороги быстро мелькают перед глазами отели, бакалейные и другие лавки, трактиры и рестораны и просто «grog-shops» – кабаки; и чем более вы удаляетесь от тесно населенного города, тем чаще вам попадаются дома с террасами и верандами перед жилищами, и тем менее вы встретите занятых делом граждан. Зато те же нескончаемые ряды подошв от высоко вздернутых ног так и мелькают перед вами черно-бурыми вереницами. Вы не в состоянии видеть ни редкой прелести окрестностей, ни замечать очаровательной архитектуры зданий. Последняя слишком испещрена сапогами, первая теряет всякую поэзию, вследствие спекулятивной прозаичности гг. янки. Вообразите себе, по обеим ли сторонам поезда или на обеих сторонах Гудсона⁷² (если вы сели на пароход), каждую величественную скалу, каждое вековое дерево, каждый кустарник, совершенно покрытые объявлениями, черными, белыми, красными и синими буквами в аршин⁷³ величиной, гласящими о «очищающей микстуре д-ра Созодонта», «об анти-желчных пилюлях Брауна и сына», об «эметиках»⁷⁴ Шарка и К^о» и т.д. и т.д.!! На непривычного туриста, после получаса подобной езды, начинает находить что-то вроде галлюцинаций. У него развивается бред, который, наконец, окончательно превращается в кошмар... Столетние, мхом покрытые стволы превращаются в безобразные черные бутылки с микстурой; зеленые ветви фруктовых деревьев, как длинные костлявые руки привидений, мало-помалу обхватывают несчастного туриста и, тихо притянув его в мощные объятия, суют насильно в рот не фрукты или ягоды, а громадные пилюли, а быстро мелькающие сапоги, метаморфозированные⁷⁵ в черных коршунов, облепливают и скалы, и деревья, и кустарники и хохочут над вами, словно хор демонов в опере «Фрейшиц»⁷⁶.

Таковым было, во всяком случае, собственно, многоиспытанное первое впечатление.

⁶⁷ Фигуративный – изображающий реальные предметы действительности.

⁶⁸ Высадите на берег (*фр.* débarquer).

⁶⁹ спекулянтов (*фр.* spéculateur).

⁷⁰ Бэттери-Парк-сити (*англ.* Battery Park City) – квартал в Нью-Йорке.

⁷¹ Бродвей (*англ.* Broadway).

⁷² Гудзон (*англ.* Hudson) – река на востоке США.

⁷³ Аршин – старорусская единица измерения длины, равная 0,71 м.

⁷⁴ Эметик (*англ.* emetic) – рвотное средство.

⁷⁵ превращенные (*фр.* métamorphoser).

⁷⁶ «Фрейшютц» («Der Freischüt», «Вольный стрелок») – опера немецкого композитора К.Вебера (1786–1826).

Привыкнете и сапоги, и микстурные объявления (находимые и внутри вагонов, и на всех стенах, и под ногами в конных омнибусах, и даже внутри некоторых церквей) теряют всякое значение. У меня есть один добрый, старый знакомый, некто профессор археологии и древних языков W.⁷⁷, который изредка навещает меня. Войдя в комнату и не снимая шляпы, а просто дружелюбно кивнув головой, профессор, отличающийся более, нежели саженым⁷⁸ ростом и беспримерной худобой, впрочем, весьма ученая и всеми уважаемая личность, прямо отправляется к шкафу с книгами и, выбрав штук до двадцати разных томов, он сперва укладывает их пирамидами на длиннейшие руки, а затем прямо направляет стопы к креслу-качалке (rocking chair). Улегшись в оном на спину, он протягивает ноги либо на верхнюю часть письменного бюро, либо на бронзовые ветви газовых рожков под потолком, спускающихся довольно низко над письменным столом, и затем уже приступает к симметрическому раскладыванию набранных книг на собственном животе и груди. Таким образом, старый профессор пролежит, не трогаясь с кресла и весь углубленный в чтение, иногда от часу пополудни до 5–6 часов вечера, когда зажигание газа поневоле заставляет его убрать длиннейшие ноги с шандельера⁷⁹. И мне сподручно иметь под рукой эту живую энциклопедию при отправке некоторых корреспонденций, и ему лестно лежать на спине и читать некоторые книги и рукописи, присылаемые нашему обществу⁸⁰ из Индии, и которых здесь, в публичных библиотеках, он достать не может, и поэтому мы и встречаемся, и расстаемся величайшими друзьями. Но не подумайте, что мой приятель, профессор, отличается какой-либо оригинальностью в позах своих или действиях. Нисколько. «Возлежание» и комфорт, за столом ли либо во время визитов *запросто*, здесь в обыкновенном употреблении, кроме разве самых аристократических домов, хозяева коих из бывших продавцов спичек сделались в настоящий момент миллионерами, вследствие чего и лезут из кожи подражать парижанам.

В других явлениях жизни американцы представляют такую же «антиподию» между своими и европейскими воззрениями как в политике, так в религии и во всем остальном. Номинально христиане – они не признают владычества ни одной из существующих религий, и страна не имеет первенствующей веры. В глазах закона они все равны, все имеют одинаковые права или, скорее, не имеют никаких прав вне собственной конгрегации и лишь в делах, не касающихся прямо закона. И, однако, все они, не исключая даже и туземных католиков, называют воскресенье еврейским именем «шабаш»⁸¹. Признавая Бога в церквях, вне оных американские граждане изгнали его, и конституция страны не допускает даже имени его в своих законах.

Другая штука «вверх ногами», даже против и наших – «ретроградной» матушки России – порядок является в том, что все мужчины, либо родившиеся в Соед[иненных] Шт[атах], либо принявшие натурализацию, – граждане, а матери, жены, сестры, дочери даже тех, которые поселились в Новом Свете 200 лет тому назад, – *не* «гражданки». Платить подати, положим, их заставляют; вносить всякие повинности и незамужние, и вдовы обязаны, не то, как «птичкам певчим», им тотчас же пропоется:

И оттого и потому
Свести их всех тотчас в тюрьму!

А подавать голоса на выборах – и ни-ни... не смей и думать, потому, значит, что не «гражданка», хотя и дочь, и жена, и мать граждан. Вот и выходит логика вроде той, что «курица не птица, прапорщик не офицер», поэтому ни петухом тебе нечего думать петить, ни лезть в превосходительные⁸² не следует.

В этом странном противоречии и заключается вся суть бури, волнующей всю нашу страну вот уж около тридцати пяти лет. Разыгравшаяся появлением блуммеристок – женских апостолов м-

⁷⁷ Уайлдер Александр (Wilder, 1823–1908) – американский врач, ученый-неоплатоник, теософ, писатель.

⁷⁸ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,16 м.

⁷⁹ Шандельер (*фр.* chandelier) – канделябр.

⁸⁰ Речь идет о Теософском обществе.

⁸¹ Шабаш (*др.-евр.* schabath суббота) – священный день отдохновения (суббота у евреев, воскресенье у христиан, пятница у магометан).

⁸² Имеющих титул превосходительства. В России до 1917 г. согласно Табели о рангах звания III–V классов предусматривали обращение «Ваше Превосходительство», а звания I–II классов – «Ваше Высокопревосходительство».

рисс⁸³ Блуммер⁸⁴, – она досвирепствовала до того, что сам Демосфен увидел себя вынужденным вновь воплотиться на земле в образе м-рисс Виктории Удхелл, дочери бедных, но весьма неблагородных родителей ирландского происхождения. Вскоре – более по случаю нового воплощения великого греческого оратора, нежели из искреннего сочувствия к поправленным гражданами «женским правам», – к этому революционному движению присоединились не только две трети женщин Америки, но и все спиритуалисты, численность коих, как выше показано, доходит здесь до одиннадцати миллионов. Затем, Демосфен еще раз дал себя знать тем, что привлек шекеров (квакерская секта, как всем известно)⁸⁵ если не на сторону своей видимой *инкарнации* – сиречь г-жи Удхелл, которая, по мнению этих самых целомудренных сектантов, уж чересчур пользовалась своими женскими правами, – то, по крайности, на сторону обиженных *не* «гражданок». Все шекеры, как один человек, горой стоят за женщин. Сумбур, ругань, возгласы и денонсации⁸⁶ стоят огненным столпом над городом Нью-Йорк. Женский клуб «Сорозис»⁸⁷, из которого мужской пол изгоняется «mit skandal und trompeten»⁸⁸, укрепляется с каждым годом. Находясь под управлением строго неподкупных матрон, этот клуб, кроме множества «синих чулков»⁸⁹, насчитывает также достаточное количество храбрых девственниц, которые, дабы показать ядовитейшее презрение к сильнейшему, но, по их мнению, глупейшему полу, нарочито поделались матерями без малейшей посторонней помощи «мужей». Этот клуб у нас в великом почете. Г-жа Виктория Удхелл – она же и Демосфен – первая совершила, ради *принципа*, такую оригинальную штуку, что она до сей поры воспевается по всей стране в балладах и, переходя в народную легенду, делается, надо полагать, Одиссеей со временем в летописях «женских прав». Получив развод от первого мужа, она вышла в тот же день замуж за полковника Блодэ⁹⁰, затем подала на следующий просьбу о разводе от последнего, живя в продолжение шести требуемых недель⁹¹ с первым разведенным супругом, а когда получила развод, то тотчас же отправилась назад к разведенному с собою второму мужу, и только тогда – как она сама объявила эту притчу народам с высоты роострума – позволила она себе оставаться *верной* полковнику. Иначе, говорила она, подобная супружеская верность была бы лишь одной легальной проституцией (смотри[ите] лекции Викт[ории] Удхелл, т. II), непростительной подачкой «законам, установленным тираном и рабовладельцем женщины – мужчиной».

Слава этой храброй барыни гремит у нас по всей Америке. Партия женщин – «Women's right party»⁹² увеличивается с каждым днем и сильный, хотя и не «прекрасный» пол, сильно трусит. Революционное движение юбок производит панику; оно охватило всю Америку, свирепствует в Уэсте (West)⁹³ и ожидается со страхом, как девятый вал, в Вашингтоне, так как недавно открылся секрет, что сама почтенная президентша – м-рисс Гейз⁹⁴, изгнавшая с позором до последней капли вино, не говоря уже о спиртных напитках, из «Белого дома», – сама принадлежит к этой опасной ассоциации «женских прав».

В следующем разговоре нашем через телефоно-фонографический аппарат постараюсь посредством верного «мундштука» моего передать вам несколько любопытных сведений о городе

⁸³ мистрис (*англ.* mistress).

⁸⁴ Блумер Амелия (Bloomer, 1818–1894) – американская суфражистка, борец за права женщин.

⁸⁵ В буквальном смысле, название шекер (Shaker) следует переводить «трясогузкой», так как специальность их состоит в том, что под влиянием нисходящего духа всякий шекер уподобляется бесноватому и выплясывает, как по старым легендам выплясывал укушенный тарантулом неаполитанец свою первую «тарантеллу». (Прим[ечание] автора, зараженного в нью-йоркском «климате» духом этимологической филологии). – *Примечание Е.П. Блаватской.*

⁸⁶ разоблачения (*фр.* dénonciation).

⁸⁷ Сорозис (*англ.* sorosis) – американское женское общество, женский клуб.

⁸⁸ «со скандалом и музыкой» (*нем.*).

⁸⁹ «Синие чулки» – название женщин-интеллектуалок, всецело поглощенных научными, литературными и тому подобными интересами.

⁹⁰ Джеймс Харви Блад (Blood, 1833–1885) – американский полковник, второй муж В. Вудхалл.

⁹¹ Только в нью-йоркском штате, в других штатах можно получить развод в одну неделю и менее за 25 долларов. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

⁹² «Партия прав женщин» (*англ.*).

⁹³ Запад США.

⁹⁴ Хейз Люси (Hayes, 1831–1889) – жена Резерфорда Хейза (1822–1893), девятнадцатого президента США (1877–1881).

Нью-Йорке, вполне обрисовывающих ваших антиподов. Слежу за всем неустанно и, перебегая от одного фонографа к другому, надеюсь, собрав на днях – как разнообразнейшие цветы из различных партеров⁹⁵ – все городские новости, увеселения, достопримечательности и *tutti quanti*⁹⁶ из пенек жизни, соединить их в один благовонный букет и подать вам тотчас же через океан мой верный «Голос».

«Голос» с того света

I

Путешествие «Голоса» из Нью-Йорка в Тифлис по «4-му измерению пространства» профессора Цельнера⁹⁷. – Английские ученые и «Невидимый мир»⁹⁸. – Белый дом и черные думы. – Члены конгресса и первая женщина в конгрессе. – Два знаменитых самоубийцы и их похороны. – Статуя Мадзини⁹⁹ в Центральном парке. – Необычайное происшествие курицы, собаки, кошки, попугая и «Голоса». – Вавилонское столпотворение в фонографе.

Ради строго честного выполнения моих новых обязанностей к *Тифлисскому вестнику* – посредством нарочно с этой целью устроенного меж Нью-Йорком и древней столицей Иберии¹⁰⁰ фонографа – я распоряжаюсь следующим образом: кроме главного циз- и транс-атлантического аппарата, я постоянно ношу с собою карманный, крошечный фонограф, в устье безгранично-плодовитой матриксы коего я тотчас же и передаю всякую интересную новость дня. Заручившись, таким образом, недельным запасом, я становлюсь в означенные дни (четыре раза в месяц) перед главным телефоно-фонографом. Затем, прикрепив мундштук карманный к мундштуку главного фонографа, я принимаюсь крутить ручку первого, и все переданные мною в него новости, слово в слово, до малейших заиканий и англо-галлицизмов (которыми хоть и не очень-то горжусь, но в коих зато униженно каюсь), – все это начинает переливаться в матриксу большого аппарата и через несколько минут раздается в конторе *Тифлисского вестника*. Часто случается так, что редакция не остается довольной ни количеством, ни качеством новостей. Тогда я начинаю уже голословно передавать самые свежие «сенсации» Америки. В таких случаях...

...Вихрем несется «Голос» мой, следуя по прямому изгибу линии 40 град[уса] широты. Одним могучим взмахом звука перелетает он, как орел, через бурливо-пенящийся Атлантический океан, по временам задевая за верхушки мачт быстрых пароходов, которые еле-еле ползут в сравнении с летящим «Голосом». Пробарабанив мелкой дробью по подъему сапога Италии и перемахнув через залив Таренто¹⁰¹, он пронизывает высокий каблук между Атранто и Кастро¹⁰² и летит далее. Ничто не останавливает громкого и храброго «Голоса». Он не прислушивается ни к северо-западному ветру, доносящему до него со стороны Альбиона крики и скрежет зубовой британских «интересов», ни к глухому гулу басовых дизраэлевских¹⁰³ нот спичей английского премьера; с таким же презрением он отворачивается и от песчаной бородавки, именуемой

---

⁹⁵ Партер (*фр.* parterre на земле) – открытая часть сада или парка с газонами, цветниками, водоемами, бордюрами из кустарника.

⁹⁶ всякое другое (*итал.*).

⁹⁷ Цельнер Иоганн (1834–1882) – немецкий астрофизик; увлекался спиритизмом, провел ряд спиритических сеансов, с помощью которых предполагал получить доказательства существования четвертого измерения (см. статью Е.П.Блаватской «Трансцендентальная физика» (*The Theosophist*, 1881, т. II, февраль)).

⁹⁸ Речь идет о книге: *Stewart B., Tait P.G. The Unseen Universe or Physical Speculations on a Future State. London, 1875* (*Стюарт Б., Тейт П.Г. Невидимый мир, или физические теории о будущем состоянии. Лондон, 1875*).

⁹⁹ Мадзини Джузеппе (1805–1872) – один из вождей итальянского национально-освободительного движения, революционер, политик, писатель и философ.

¹⁰⁰ Иберия – древнее название Восточной Грузии.

¹⁰¹ Таранто (*ит.* Golfo di Taranto, *фр.* Golfe de Tarente) – залив, расположенный в северной части Ионического моря, на крайнем юге Италии.

¹⁰² Отранто (Otranto) и Кастро – итальянские города.

¹⁰³ Дизраэли Бенджамин (граф Биконсфилд, 1804–1881) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1868, 1874–1880 гг.

Мальтой, на которой, как тысячи вареных раков морских, копошатся и суетятся британские солдаты¹⁰⁴. Нет; все это лишь «суета сует» Европы, а он, «Голос» мой, несет новости, животрепещущие и сенсационные, из великой Америки! Поэтому, пролетев меж Ионическими островами и Адриатическим морем прямо на Янину¹⁰⁵, он также мало обращает внимания направо (где Греция, которой и «хочется, и колется, да бабушка (Англия) не велит»¹⁰⁶), как и налево (где сама злополучная Турция *volens volens*¹⁰⁷ предается воле Аллаха). «Некогда!» – шепчет под нос «Голос». Стремглав скользнув по макушке горы Ида¹⁰⁸, пролетает далее над гордым Олимпом, не устаивая ответом даже теней классического Пегаса и наездника его Персея. «Стойте!.. Откуда?..» – кричат тени олимпийских полубогов. Но «Голос», сурово проворчав ругательство с добавлением: «Чур меня, чур! Наше место свято... Пошли прочь!» – не останавливается. Он спешит миновать берега Черного моря, оставляя в стороне тифозно-зачумленный Эрзерум¹⁰⁹, с благоговением минует археологически-девственный Арарат, свертывает в сторону, дабы удобнее и прохладнее было нестись между Курой и быстрым Араксом и, наконец, влетев турецкой бомбой в контору *Вестника*, орет на всю Эриванскую площадь:

– Имею честь рапортоваться... Как поживаете, князь? Что новенького?..

Но почтенный редактор, которому уже вероятно надоели доморощенные новости и который к тому же, быть может, и не в духе, отвечает «Голосу» довольно сухо, даже строго, напоминая ему при этом о его корреспондентских обязанностях.

– Не от меня вам, м[илостивый] г[осударь], ожидать новостей, а мне следует получать оные от вас, – говорит он вновь прибывшему. – Где вы это так долго пропадали?.. Верно, не раз теряли время по дороге?.. Вместо того чтобы избрать кратчайший и вернейший путь – подземный и подводный, передающий столь ясно и отчетливо всякий звук, вы, вероятно, забавлялись путешествием по земной поверхности!.. А?..

– Извините... – отвечает немного оскорбленный замечанием «Голос». – Я летел всего десять минут с небольшой фракцией¹¹⁰... Скорее прибыть из Америки трудно!..

– Десять минут! – последовал язвительный ответ. – Вы вероятно принимаете нас, жителей подножия Св[ятого] Давида¹¹¹, за невежд – за готтентотов¹¹²? Законы акустики учат в каждой деревенской школе, и кто не знает, что мало-мальски *честному* звуку требуется при самых благоприятных обстоятельствах для того, чтобы достичь из Нью-Йорка в нашу контору по меньшей мере десять часов, сорок четыре минуты и 35 секунд... А вы хотите уверить нас, будто долетели до нас в 10 минут!..

– Конечно, уверяю... и даже утверждаю! – ответил уже совсем разобиженный «Голос». – Во-первых, вы, кажется, изволили забыть, что мы антиподы, и, живя быстрее других, имеем на этом основании полное право считать часы минутами. А во-вторых, если я предпочел прямому и кратчайшему пути, т.е. пронизыванию земного шара по экваториальному диаметру, путь поднебесный, то на это я имел достаточную и весьма вескую причину.

– Это какую же, позвольте узнать? – насмешливо осведомился г. редактор.

– Да вот хоть следующую. Вы полагаете вместе с прочими неразумными физиками, что твердые тела, как земля и дерево, служат гораздо лучшими проводниками звука, нежели воздух? А мы, американцы, изобретатели телефона и фонографа, можем практически доказать, что воздух – по крайней мере, в XIX веке – сделался гораздо удобнейшим и вернейшим проводником звука,

---

¹⁰⁴ По условиям Парижского мира 1814 г. Мальта отошла к Великобритании. Англичане превратили ее в свою колонию и военно-морскую базу.

¹⁰⁵ Янина – город в Греции.

¹⁰⁶ Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Греция, по совету Англии, сохранила нейтралитет.

¹⁰⁷ волей-неволей (*лат.*).

¹⁰⁸ Ида – высочайшая гора острова Крит (2456 м).

¹⁰⁹ Эрзерум – крепость на северо-востоке Турции, на территории Западной Армении, которая в октябре 1877 г. была блокирована русскими войсками и в ней началась эпидемия тифа. В феврале 1878 г. крепость была сдана, что сразу же позволило русским медицинским и военным властям приступить к исправлению чудовищного санитарного положения в городе.

¹¹⁰ Фракция (*англ. fraction*) – доля, часть.

¹¹¹ Церковь Святого Давида – храм Грузинской православной церкви в Тбилиси на склоне горы Мтацминда.

¹¹² Готтентоты (*перенос., устар.*) – дикари.

нежели земля, вода и даже дерево...

– Но как же так? – переспросил в свою очередь немного сконфуженный и озадаченный редактор.

– Да очень просто. Быть может, во времена допотопной человеческой добродетели воздух и был до того разрежен, что (как на высоте гор, напр[имер], где звук еле слышится за несколько шагов) мой «Голос» едва ли бы мог достичь Тифлиса из Нью-Йорка. Но в наш век, а особенно с 1877 по 1878 гг. дело оказывается иное. Но... вы должны дозволить мне небольшое отступление, а вместе с тем и вступление...

Вам в Тифлисе, – где у вас все на свете знают, – должна быть также хорошо известна и брошюра «Невидимый мир», поднявшая было на дыбы всех английских ученых... Читали вы ее?..

– Да... нет... впрочем, не помню... – отвечает редактор.

– Так позвольте напомнить, что дело идет о таких великих ученых, как Жевонс (*Gevons*)¹¹³, и Баббэдждж¹¹⁴, и Бальфурт Стюарт¹¹⁵, и Тэт¹¹⁶, вполне доказавших в «Невидимом мире», что даже зарождение и эволюция невысказанной мысли не может произойти без израсходования энергии, которая, действуя на невидимый эфир, должна переносить волны или вибрации движения своего в пространстве от самой минуты прикосновения – бесконечно.

Энергия материи, уносимая из области видимого в область невидимых миров, превращается в лаборатории последних в нечто осязаемое и сознаваемое, хотя уже и невидимое простому глазу, словом, в сплошной *мост* (так выражается почтенный ученый, а не я), по которому мысль абстрактных невидимых существ, облеченная в конкретную форму, сходит с эфирных высот «того света» вниз, а мысли смертных восходят вверх... Поняли?

– Ничего не понимаю! Впрочем, продолжайте...

– А ведь очень просто. Благодаря постоянной, передаваемой по телеграфу лжи по всем направлениям света – особенно дипломатами, спекуляторами и репортерами – атмосфера мира сего до такой степени сгустилась с начала войны¹¹⁷, что в сравнении с нею само кипарисовое дерево¹¹⁸ – дрянь для звука. Понятно, что всякий звук должен вследствие этого нестись через такую атмосферу с легкостью, быстротой и ясностью, превышающими вдесятеро резонанс всякого другого тела? Вот почему «Голос с того света» и выбрал предпочтительно воздушный путь. Несясь с ловкостью почти военного (и вместе атмосферического) человека, он летел с такой невообразимой быстротой, что только благодаря этой самой ловкости уцелели крыши зданий во всей Западной Европе и Турции... Слышали о потерях, понесенных в Ла-Манше?.. О гибели «Эвридики» с 300 людей¹¹⁹?

– Слышали... Так что же?

– Всю эту кутерьму произвел неудержимый полет моего «Голоса». К счастью Лондона, он лежал в стороне: иначе, ввиду испарений одного парламента, члены которого стали потеть в этом году ранее обыкновенного, не осталось бы в столице Джона Буля¹²⁰ камня на камне, ни самого премьера. Особенно последнему грозила опасность. Зреющие в голове его тайно от всех планы в силу того, что всегда так плотно закупорены в его мозгу, испаряясь в эфир пространства, лопаются с неудержимой силой газообразной карболовой кислоты в старой бутылке, разорвавшись, они...

– И так далее, etc... и прочее и прочее... – прервал нетерпеливо редактор. – Скажите лучше, что у вас поделывает президент, конгресс и вообще свободная республика?

– Президент сидит в Белом доме и погружен в «черные думы»... Демократы собираются его вытурить до окончания еще трехлетнего срока. Монгомери Блэр, бывший при Линкольне¹²¹

¹¹³ Жевонс Уильям Стэнли (Jevons, 1835–1882) – английский экономист, статистик и философ-логик.

¹¹⁴ Бэббидждж Чарльз (Babbage, 1791–1871) – английский математик.

¹¹⁵ Стюарт Бальфур (1828–1887) – шотландский физик.

¹¹⁶ Тейт Петер Гатри (Тэт, Tait, 1831–1901) – английский физик и математик.

¹¹⁷ Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

¹¹⁸ Кипарисовое дерево с древности использовалось для изготовления музыкальных инструментов.

¹¹⁹ 24 марта 1878 г. военный корвет «Эвридика» во время бури затонул в Ла-Манше, из 319 человек экипажа выжило двое.

¹²⁰ Джон Буль (*англ.* John Bull, букв. Джон Бык) – собирательный образ типичного англичанина.

¹²¹ Линкольн Авраам (1809–1865) – американский государственный деятель, 16-й президент США (1861–1865), освободитель американских рабов, национальный герой американского народа.

генеральным почтмейстером¹²², подал на него жалобу от 19 штатов. Теперь доказано, что он завладел президентским местом только благодаря плутовству и подлогам республиканцев во время баллотировки.

– А конгресс?

– Конгрессмены суетятся и отдавливают друг другу мозоли, стараясь каждый наперерыв залепить пластырем раны и ссадины бедной и столь оскорбленной богини Свободы, причиненные ей из-за угла вороватыми республиканцами во время последней электоральной¹²³ кампании. Затем, так как *не* ворующих, «почетных» членов становятся в стране с каждым годом реже, то конгресс и выбрал в почетные члены женщину, всем известную филантропку мисс Элизабет Томсон¹²⁴, поднесшую ему картину Карпентера¹²⁵, изображающую «Прокламацию об эмансипации невольников» и стоившую ей 25000 дол[ларов]. Она первая женщина, выбранная конгрессом в Америке. Узнав об этом, весь женский пол возликовал, а затем опять поднял бунт, требуя своих прав. Насилу утомили. В Вашингтоне в продолжение целой недели мужья ходили голодные и с фонарями под глазами. Теперь немного успокоились.

– А Нью-Йорк?

– Ньюйоркцы плачут о Туиде¹²⁶, бывшем «короле» своем (финансовом), умершем в тюрьме, в которой он сидел за покражу 50 миллионов из городских сумм. С горя, что не может более красть, он отравился синильной кислотой. Его похоронили франкмасоны с музыкой и «почетным флагом». А нью-йоркские барыни рыдают о потере старой мадам Рестель¹²⁷, вытравительнице, умертвившей на своем веку от 20 до 30 тысяч зародышей, гражданскими браками порожденных, наконец, попавшейся после сорокапятилетней успешной карьеры, доставившей ей 5 миллионов долларов. Третьего дня Нью-Йорк был поражен известием, что она перерезала себе жилы в ванне. Ее тоже похоронили с почестями и собираются поставить ей памятник. Кстати о памятниках. Все приготовляются к открытию статуи Мадзини в Центральном парке. Все тайные общества Европы и Америки посылают своих представителей: масоны всех цветов, интернационалы, коммунисты, тред-юнион (союз рабочих), либералы, республиканцы, остатки когда-то могучих и опасных «карбонари»¹²⁸, а ныне продающих гнилые селедки и яблоки на улицах Нью-Йорка, и т.д. и т.д. Надеются, что ультрамонтане¹²⁹, вследствие приготовляемых спичей против папы и властей, вмешаются и что тогда выйдет в парке драка. Атеисты и коммунисты только того и ждут. Но вот еще самая интересная нов... «Кук-кук-кукурику!.. Гау-гау-гау!.. Мя-я-я-я-у!..» – вдруг неожиданно раздалось из мундштука вместо приятного, сипло-глухого контральто «Голоса». Затем начали вылетать из аппарата самые разнохарактерные, неожиданные звуки и ряд столь пронзительных чиханий, фырканий, что испуганный редактор отскочил в сторону, боясь вызвать еще более оригинальные звуки.

Оказалось, что, воспользовавшись временным отсутствием владельца «Голоса», из его нью-йоркской лаборатории в комнату вбежала его кошка и две собаки. Начавшаяся между ними драка возбудила попугая; тот стал кричать по-петушьему, кудахтать, мяукать. Все эти звуки были тотчас же восприняты и зарегистрированы металлической пластинкой в открытом «телефоно-звукографе».

«Голос».

---

¹²² Блэр Монтгомери (Blair Montgomery, 1813–1883) – американский политик и юрист, генеральный почтмейстер США (1861–1864).

¹²³ избирательной (*лат.* elector избиратель).

¹²⁴ Томсон Элизабет (1821–1899) – американская филантропка.

¹²⁵ Карпентер Френсис (1830–1900) – американский художник.

¹²⁶ Твид Уильям Марси (Tweed, 1823–1878) – один из самых беспринципных за всю историю американских политиков.

¹²⁷ Ломан Энн Троу (мадам Рестелл, 1812–1878) – американская акушерка.

¹²⁸ Карбонари (*устар.*) – члены тайного общества, организованного в Италии в начале XIX века для борьбы за национальное освобождение и объединение страны.

¹²⁹ Ультрамонтане (*ит.* рапа ultramontano папа из-за гор (Альп), *лат.* ultra далее, за пределами + montis горы) – последователи ультрамонтанства, идеологии и течения в римско-католической церкви, выступавшие за жесткое подчинение национальных католических церквей папе римскому, а также защищавшие верховную власть пап над светскими государями Европы.

II

Во избежание новых выговоров от многоуважаемого редактора *Вестника* «Голос» потребовал: 1) вечного изгнания собак и кошек из окрестностей лаборатории, а затем 2) приспособления нескольких других *матрикс*, соединенных с телефонами Вашингтона, Бостона, Филадельфии, Чикаго и других столь же знаменитых городов республики. Таким образом «Голосу» дается возможность облетать все эти местности и посылать в Тифлис через нью-йоркский аппарат все новости с самого места происшествия. Судите сами, как оно выходит: и верно, и вместе с тем эффектно...

«Голос» в Бостоне, в так называемых «современных Афинах». Бостон – гнездо студентов медицины, Эльдorado спиритических медиумов, столица спиритуалистов, фокус, в котором сосредоточивается американская высшая интеллигенция и к коему стремится вся аристократия страны; горнило религиозных ересей, в нем переплавляются все теологические, метафизические галлюцинации местных философов; галлюцинации клокочут, бурлят и, поднимаясь густым паром над «Афинами», разрешаются благотворным дождем, который ускоряет рост и способствует плодородности интеллектуальной жатвы на почве, столь усердно подготовленной пионерами «прогресса» – посредством удобрения оной – «*медиуминическим*» навозом.

Одно из самых замечательных явлений «прогресса» за последние годы – выставка младенцев («Baby show») во всех городах Соединенных Штатов и следующие за сим треволения. Первым основателем этой «выставки» был, конечно, Барнум, а с его легкой руки подобная выставка получила право гражданства и теперь эксплуатируется всюду. Выставляются самые замечательные дети от 3-х месяцев до 7 лет всех цветов и оттенков – от белоснежного *бэби* до черного, как эбен, негритенка. Выдаются несколько премий, как-то: ребенку самому здоровому и толстому и самому худому и тщедушному; самому красивому и превышающему безобразием всех прочих младенцев. Для уродов премия еще выше, а недавно прибавили и премию «для самой красивой матери». Несколько месяцев тому назад «выставка детей» в Нью-Йорке окончилась двумя скандалами. Спекулянтами и антрепренерами в этом случае были два «преподобных» пастора, богобоязненная паства коих оставляла их уже давно умирать голодной смертью. Во время выдачи премий самая «красивая мать», 15-ти летняя красавица-южанка, оказалась вовсе не «матерью», а добровольной супругою всякого «алчущего» и «жаждущего» гражданина, нанявшая себе ради спекуляции птенчика напрокат. Скандал вышел невероятный и затих, лишь уступая место еще более чувствительному: «преподобный» кассир исчез в это самое время из залы выставки, захватив с собою по рассеянности кассу, в которой хранилось около 7 тыс[яч] долларов.

В Бостоне на последней такой же выставке, на которой «Голос» присутствовал самолично, выставлялось дитя-дух или правильнее – *полу-дух*, так как его почтенная маменька находится во плоти брэнной, красотой своей весьма гордится, а «папенька» младенца был, – кто бы вы думали? – бесплотный *дух*! В этом ручались все спиритуалисты, приводили всякие доказательства и действительно победили скептиков. Эфирный младенец получил премию...

Не верите? Не угодно ли прочитать спиритские журналы за январь месяц – *Banner of Light*, *Religio-Philosophical Journal*¹³⁰, *Голос ангелов*¹³¹ и т.д.

На днях «Голос» заглянул в нью-йоркский *ихтиологический* аквариум, вероятно так называемый потому, что в нем очень много зверей и весьма мало рыб (на том же принципе истых антиподов, который заставляет нас называть реку, протекающую вдоль *южно-западной* стороны Нью-Йорка, *Северной*¹³²). Этот звериный аквариум поистине одно из чудес света. Теперь в нем находятся два трехаршинных великана-супруга, орангутанги, с единственным сыном. Сей юный *прадед человечества* умом и оригинальностью манер решительно покорила все дамские сердца толпящихся вокруг него красавиц. Юному феномену всего три года, но, несмотря на пример скромности, подаваемый ему родителями, которые, нежно обнявшись, сидят целыми днями, как Любаша в *Аскольдовой могиле*¹³³ у «косяцата окна»¹³⁴, он мало следует этому примеру. В то время

¹³⁰ «Знамя света», «Религиозно-философский журнал» (англ.).

¹³¹ «Voice of Angels».

¹³² Участок реки Гудзон между Нью-Джерси и Манхэттеном.

¹³³ «Аскольдова могила» – повесть писателя М.Н.Загоскина (1789–1852).

как авторы его жизни – буквально с человеческим любопытством – следят за экипажами и толкотней на улице, передавая друг другу взаимные впечатления короткими, односложными *ауканьями*, младенец из лесов Батавии не по летам заигрывает с барынями. Этому интересному семейству отведена целая половина огромной комнаты, отделенной от другой половины толстой железной решеткой. Несмотря на это, пользуясь тонкостью рук, маленький оранг просовывает их сквозь решетку, явно настаивает на желании затянуть на свою половину дам, изъявляя при этом ни на чем не основанное отвращение к оборке их юбок. Вследствие нескольких испорченных туалетов, теперь прибавили к решетке толстую, из цельного стекла стену и бедный ребенок в отчаянии! Боясь за жизнь его, малютку, к великому огорчению родительницы, приковали к стене. Но нежная мать уже несколько раз освобождала из оков свое преждевременно развитое чадо. Мораль вышесказанного: в царстве животном, как и в царстве женщин, бывают «маменькины сынки».

Доселе никогда еще, ни здесь, ни в Европе, не видали двух *шимпанзе* разом. Бедный Понго, знаменитый в Берлине и Лондоне и ныне усопший горилла, и друг его, чистокровный шимпанзе, были единственными представителями *лесных людей*. Здесь их было шесть, а теперь осталось пять. Они спят на детских кроватках, сидят за обедом в креслах и вообще ведут себя гораздо приличнее орангутанга. Недавно после тяжелой болезни, во все продолжение которой его навещал целый город, один из них умер. Самые знаменитые доктора были призваны на консультацию. Газеты ежедневно публиковали бюллетень о его здоровье – ничто не помогло. Бедный *Галилео* умер на своей роскошной постели с белоснежными подушками под теплым одеялом, до последней минуты окруженный многочисленными друзьями и рыдающими знакомыми. Его смерть и агония до того походила на человеческую, что несколько парадоксальных дарвинистов (с религиозными тенденциями) созвали по вскрытию тела его митинг; они весьма серьезно рассуждали о том, что следовало бы ввиду совершенной невозможности доказать *за* или *против* присутствия бессмертной души как в человеке, так и в обезьяне препровождать в последнее жилище и обезьян «*высшей породы*». «Теперь доказано, – рассуждали они, – что нижняя часть мозга шимпанзе представляет изумительное сходство, даже тождество с мозгом ребенка. Устройство оптических нервов (5-й пары), мукозное¹³⁵ тело, таз, легкие и начала нервов головных не представляют никакого различия с внутренним устройством человека. Вази-сфеноидальный (vasi-sphenoidal) угол черепа¹³⁶, угол, который, как это совершенно доказано наукой, делается тупее по мере того, как мы поднимаемся выше на ступенях животного царства, немногим только острее у шимпанзе, чем у негра... Так почему же не предоставить и высшей породе обезьян некоторых прав на возможность присутствия бессмертной души в их телах?..»

Эти дарвинисты принадлежат к «обществу покровительства животных». От постоянной ассоциации и товарищества с последними «Голос» подозревает, что вся ученость их улетучилась и сделалась скотообразною.

В аквариуме появились тоже два огромных белых кита, плавающих в изрядной величины бассейне. Третий, посланный в Лондон живым, в прошлом сентябре умер [через] четыре дня по приезде своем туда. Но главную прелесть аквариума составляет дюжина тюленей. Они до того вышколены, что один из них вылезает по приказанию из воды, поднимается по лестнице на скалу и звонит в колокол, призывая прочих тюленей к обеду. Они отвечают на вопросы посетителей лаем, обозначая буквы числом такого лая; играют в домино, а один даже гадает на картах! Носороги и слоны разгуливают здесь на свободе, павлины и мелкие обезьяны бесцеремонно забираются к ним на спины, но местные жирафы отличаются странным вкусом: они постоянно пасутся на шляпках посетительниц, срывая с них искусственные цветы и, по-видимому, находят их не менее вкусными, нежели кактусы их родимых африканских пустынь. Есть у нас и ворон, который читает весьма явственно молитву и представляет пастора; он привлекает громадные толпы зрителей. Поднявшись по данному сигналу на маленькую кафедру и благочестиво опустив голову, ворон начинает произносить молитву, а большой серый попугай подхватывает каждый

¹³⁴ Косячатое окно – окно с рамой, брусовая обвязка которого соединена вкось.

¹³⁵ слизистое (*лат. mucous*).

¹³⁶ Клиновидная кость (основная кость) (*лат. os sphenoidale*) – непарная кость, образующая центральный отдел основания черепа.

припев стиха и выкрикивает его на всю залу. Ученые обезьяны и собачки, играя роль паствы, сидят кругом на задних лапках, держа открытые молитвенники в передних. Пасторы и патеры было восстали против этого и потащили директоров аквариума в суд, но последние были – при громких ликованиях публики – оправданы.

Конституция Соединенных Штатов предоставляет полную свободу гражданам верить или не верить в Божество. Вследствие этого закон не может признавать и богохульства потому самому, что преступление против того, о чем конституция не упоминает, не может считаться преступлением. В Америке всякий грех для того, чтобы правосудие взирало на него как на проступок, должен нарушать один из законов, установленных конституцией. Если бы ворон и попугай были выучены говорить молитву, адресованную к Бrame или Будде, духовенство смеялось бы над этим первое.

Из чего следует, что так как ни Брама, ни Будда, ни протестантский Иегова не красуются в конституции, то и права их совершенно равные. И логично, и ясно.

Оттого-то клерикалы так и суеются, и интригуют, дабы Божество было признано в дополнительном билле (*amendment*¹³⁷) конституции. Но все напрасно; постановление подобного билля послужило бы только сигналом для самой кровавой революции, в которой деисты и атеисты перерезали бы друг другу горло.

В Страстные пятницу и субботу¹³⁸ давались в зале академии самые блистательные балы весеннего сезона. Это дни, в которые нью-йоркские дамы *high fashion*¹³⁹ хвастаются своими новомодными туалетами. Последняя мода копирована еще со времен Первой империи¹⁴⁰ – à la Pauline Bonaparte¹⁴¹, и вероятнее всего в тот момент, как она позировала перед Кановой¹⁴², если судить по наружному виду этих туалетов. Прозрачные, как паутина, узкие спереди, как дудка, эти платья набрасываются на тело с ногами, вдетыми в кожаные, телесного цвета [брюки], *невыразимые* в обтяжку!... Но если юбка и плотно прилегает к корпусу *спереди*, то зато *сзади*, вдоль спины, начиная от пояса вниз, эти юбки вздымаются, как волны морские во время урагана или холмы Чили во время землетрясения... Чудо, как эффектно!

Вам следует знать, что хотя мы и антиподы и считаемся христианской нацией, но кроме воскресных шабашей считаем грехом соблюдать какие бы то ни было праздники, как, напр[имер], Светлое Воскресенье или Рождество; последнее даже ничем и не отличается от простого дня. Поэтому всю Страстную неделю, пока в главной католической церкви шли вечерние службы, в двух шагах от нее в театре музыкальной академии шла волшебная пьеса «Красавица в спящем лесу»¹⁴³ с балетом, превращениями и другими прелестями. А в других театрах, именно в двух главных – Бродуэй¹⁴⁴ и Бутса¹⁴⁵ (брата того Бутса¹⁴⁶, что застрелил президента Линкольна) – шла пьеса, два месяца заставляющая охать и ужасаться весь Нью-Йорк, а именно – драма «Ссылные в Сибири». Как гласят афиши, эта драма переделана из известного романа Любомирского «Les Exilés en Sibérie». О Боже мой, что за карикатура! Тут главный шеф жандармов – Шельм (!!) (славное имя) с американской бородкой, в гороховых панталонах, красной жилетке и в жакете с огромным меховым воротником из кошачьих шкур! Перед этим *Шельмом* бегают солдаты-жандармы, S.V.P.¹⁴⁷, в красных зуавских штанах¹⁴⁸, в генеральских голубых эполетах и в меховых шапках; адъютантов и генералов государевых Шельм колотит по зубам и тут же ссылает в Сибирь. Зала в

¹³⁷ поправке (*англ.*).

¹³⁸ Страстная пятница и суббота предшествуют празднику Пасхи.

¹³⁹ высокой моды (*англ.*).

¹⁴⁰ Первая империя – эпоха империи Наполеона Бонапарта во Франции с 1804 по 1815 г.

¹⁴¹ в стиле Полины Бонапарт (*фр.*).

Мария-Паолетта Бонапарт (Полина Бонапарт, 1780–1825) – сестра французского императора Наполеона I.

¹⁴² Канова Антонио (1757–1822) – итальянский скульптор. Полина Бонапарт позировала перед ним обнаженной.

¹⁴³ Балет французского композитора Ф.Герольда (1791–1833).

¹⁴⁴ Бродвей (*англ.* Broadway).

¹⁴⁵ Бут Эдвин Томас (Booth, 1833–1893) – американский актер, основатель «Театра Бута».

¹⁴⁶ Бут Джон Уилкс (1838–1865) – американский актер, убийца А.Линкольна.

¹⁴⁷ S.V.P. (*фр.* s'il vous plait) – если угодно.

¹⁴⁸ Зуав (*фр.* zouave, от Zwāwa – название племенной группировки кабилон) – изначально название военнослужащего частей легкой пехоты (зуавов) французских колониальных войск. Внешней особенностью зуавов служили короткие куртки, шаровары и головные уборы восточного типа.

Зимнем дворце и представленный в нем *bal masque*¹⁴⁹ нечто восхитительное, поразительное, увлекающее и, благодаря овладевающему всяким русским смеху, умиротворяющее при виде подобного идиотства американских антрепренеров. Представьте себе, маски¹⁵⁰ завернуты в какие-то трактирные занавески вместо домино, а мебель обита пестрым ситцем и верхняя часть диванов и кресел (на вышине головы) покрыта вязаными салфеточками (должно полагать, чтобы сальные головы придворных не пачкали оных). Придворные же сановники подъезжают к дверям бальной залы, открытых прямо на улицу, в санях, запряженных собаками!!! Ну согласитесь, что после этого гг. тифлисы не имеют никакого основания жаловаться на синьоров Туроллу и Сиэни, которые, весьма может быть по недостатку средств и не всегда в состоянии угодить публике. Ведь наши антрепренеры не чета вашим: они миллионеры, и если, давая русскую драму, они даже не позаботились узнать, носили ли русские великие князья 50-х годов в Петербурге подбитые мехом халаты, как китайские мандарины, и ездят ли их придворные на собаках и оленях, то, право, тифлисская публика должна считать себя гораздо менее оскорбленной, чем нью-йоркская!..

Оглушенный пальбой из пушек, от которой *императорский дворец в Иркутске*, осажденный целой *сотней (sic)*¹⁵¹ взбунтовавшихся *нигилистов-каторожников*, разваливается, как карточный дом, а придворные *бояре* – неизвестно, по телеграфу ли или иначе, очутившиеся там же все, в Иркутске – разбивают себе носы и валяются по полу в крови и беличьих шубах (!!!) «Голос», не желая оглохнуть от всего этого шума, удирает в Филадельфию, в страну квакеров, стачек рабочих и подлогов. Он летит по Брод-стриту, улице шириною в 300 ф[утов], а длиной в 22 мили¹⁵², которая пересекает прямой линией весь город и считается самой длинной улицей в мире.

Ярко светит луна, освещая белые дома города «друзей»¹⁵³, и внимание «Голоса» привлечено блестящим лучом царицы ночи, который безуспешно старается проникнуть в отворенное окно, борясь с белым светом газовой лампы. Пока оба луча вытесняют друг друга, «Голос» садится отдохнуть на подоконник и с любопытством заглядывает в комнату. В ней сидят два квакера, члены «общества трезвости», и распивают вино. Они ведут разговор о м-ре Джоне Мортоне, экс-президенте всех конно-железных городских дорог, который в настоящую минуту сидит в тюрьме. Накануне избрания своего в губернаторы Пенсильвании он был уличен в воровстве 600 тыс[яч] дол[ларов] акционерских денег, привлечен к суду, приговорен и посажен в острог на 15 лет. «Друзья» злорадно улыбаются и среди благочестивых вздохов и библейских изречений уговариваются подать в суд прошение на жену и детей Мортонна, оставшихся в бесчестии и нищете, с тем, чтобы оттягать от них последний коттедж, в котором те умирают с голода. Возмущенный «Голос» превращается в вихрь, летит назад в Нью-Йорк и, направив на «друзей» целый поток ругательных криков через телефон, приводит полупьяных членов общества трезвости в ужас и бегство. Весь квартал просыпается и кричит караул. На другой день появляется в местных газетах сенсационный рассказ о том, как тень старого Стиля, партнера Мортонна, перерезавшего себе при жизни горло, чтоб избежать тюремного заключения, являлась в Брод-стрит; как тень покойника схватила «друзей» за волосы и задала им трепку, и т.д., и т.д. Спиритуалисты возликовали и тотчас же с торжеством отпраздновали это новое доказательство непогрешимости их учения – о «материализации» духов.

«Голос».

III

Пролетим теперь прямо через Балтимор – место добровольного изгнания дующейся, отставной бюрократии и лопнувшей *финансокрации* – в Вашингтон, столицу Соед[иненных]

¹⁴⁹ бал-маскарад (*фр.*).

¹⁵⁰ участник пьесы.

¹⁵¹ так, таким образом, именно так (*лат.*).

¹⁵² Миля – единица длины; американская миля равна 1609 м.

¹⁵³ Филадельфия имеет прозвище «город братской любви» (*Φιλαδέλφεια* в переводе с греческого означает «братолюбие»). Это связано с тем, что город основан переселенцами, принадлежавшими к протестантской общине квакеров (официальное самоназвание «Религиозное общество друзей»).

Штатов, центр притяжения всех восторженных судьбой блуждающих комет, оторванных от родной планеты Европы. Вокруг этого центра вращаются в трогательной гармонии все настоящие, бывшие и будущие конгрессмены обеих палат: 1) конгрессмены сильно и усердно ворующие; 2) экс-конгрессмены – по не зависящим от них причинам ворующие менее, но зато еще усерднее; 3) кандидаты в конгрессмены, еще не ворующие, но столь же усердно приготавливающиеся воровать.

Отдохнем немного вместе с «Голосом» на Капитолийском холме, так надменно задирающим нос, возвышаясь на целые 100 фут[ов] над ревушим и сердитым Потомаком. Плато холма украшено Капитолием (здание конгресса), Белым домом президентов, Сити-холлом (думою), мраморными зданиями разных департаментов, а главное – монументом Георга Вашингтона, отца Америки и ее независимости. Если кто желает приютиться на кончике напудренного парика старого героя, то перед ним раскроется великолепная картина. За рекой огромный парк, насаженный тропическими растениями, и аллеи, обрамленные частными домами всех родов архитектуры, а если кто не побрезгует усесться верхом на переносице большого горбатого носа «освободителя», то перед ним явится Капитолий с его мраморными колоннами, знаменитой ротондой и бронзовой статуей (работы Кроуфорда¹⁵⁴), которая взносится на 300 фут[ов] над уровнем залы сената.

Кроме общественных зданий да двух главных центров города, Капитолия и Белого Дома, носящего сие таинственное название потому, что он завтра может сделаться зеленым или розовым, а пока серый, да нескольких замечательных по красоте частных вилл и дворцов, Вашингтон в сравнении с Нью-Йорком и даже Бостоном – большая деревня. Это Киев Америки – минус пещеры¹⁵⁵. Но если Вашингтон не может похвалиться пещерами с двойными рядами блаженных святых, то зато он имеет право гордиться своими Avenues¹⁵⁶ с двойным рядом домов, обитаемых грешниками, не менее блаженствующими пока, вследствие накопленных долларов. Известно, что Киев оживает лишь в период контрактов¹⁵⁷, так и Вашингтон оживает только во время заседаний конгресса. В нем нет ни торговли, ни магазинов, ни даже лавок, но зато есть необъятное число отелей, в которых хозяева и прислуга спят большую часть года, как свита «красавицы в спящем лесу», а просыпаются только в сезоны, когда город делается сборищем всех политиканов (politician) Соед[иненных] Штатов. Тогда кровожадные и голодные, стряхнув летаргию, они набрасываются на свои жертвы и с лихвой наверстывают бездействие остального времени.

В Вашингтоне всего два театра достойных этого имени – один большой и весьма дрянной, а другой маленький, но зато уж очень дрянненький. На киевских контрактах, в блаженные времена царя Гороха, удалые паны сперва братовались, затем садились за карты, плутовали и рвали друг другу чубы, а на вашингтонских съездах конгресса сенаторы сперва досыта размениваются подзатыльниками и фонарями, а затем уже приступают к взаимному плутовству и *передергиванию* биллей.

Говоря о столице Соед[иненных] Шт[атов], трудно умолчать о «конгрессиональных звездах» – *célébrités*¹⁵⁸ конгресса и царицах лобби. Последнее слово непереводаемо, но зато чрезвычайно знаменательно: лобби – называется всякое место, назначенное для тайных сборищ, *rendez-vous*¹⁵⁹ политических пройдох и интриганок, не принадлежащих к законодательному собранию, но сильно влияющих на членов оною посредством обыкновенной приманки – женщины; самые красивые, элегантные и успешные в этом деле дамы получают название «цариц лобби»; и к этому числу часто принадлежат супруги важных чиновников и сенаторов. Способы мгновенной передачи новостей, а особенно сплетен из нашей столицы в отдаленнейшие пункты Америки сделались до того легкими, что в наше время получить кому-либо почет либо бесчестье (оба равно годятся в видах финального результата) в Вашингтоне равняется получению национального отличия и значения знаменитости. Кто не слыхал о храбром Шепарде, Бельве Локвуд¹⁶⁰ и о докторе Мэри

¹⁵⁴ Кроуфорд Томас (1814–1857) – американский скульптор.

¹⁵⁵ Речь идет о пещерах Киево-Печерской лавры, в которых покоятся мощи святых.

¹⁵⁶ проспектами (англ.).

¹⁵⁷ Речь идет о торговой и контрактной ярмарке в Киеве в XIX веке, на которой заключались торговые и кредитные соглашения (контракты).

¹⁵⁸ знаменитостях (фр.).

¹⁵⁹ randevу, встреча (фр.).

¹⁶⁰ Локвуд Бельва (1830–1917) – американская женщина-адвокат и политик, борец за права женщин.

Уолкер¹⁶¹? Первый начал карьеру бедным жестяником¹⁶², забрался в политику, получил место директора депар[тамента] публичных работ и построек в Вашингтоне, вымостил и переделал весь город и подал в отставку, украв до 37 миллионов из ассигнованных на работы сумм. Посидев месяца три в тюрьме и не возвратив ни гроша, он был сделан сенатором и теперь окружен почестями, верными спутниками миллионов. Вторая – мистрис Бельва Локвуд или, как ее обыкновенно зовут, адвокат Локвуд вошла сперва в славу только вследствие ничем невозмутимого хладнокровия и терпеливой наглости, с коими эта храбрая гражданка стучала в продолжение 8 лет в двери конгресса, дабы последний даровал ей привилегию перенести свою профессию из малых судишек в Высший трибунал (Supreme Court¹⁶³) Соед[иненных] Штатов. Как «неимущая вдова» в притче о «судьях»¹⁶⁴, она добилась желаемого не потому, что ее дело было праведным, а потому, что уж слишком надоела «неправедным судьям» конгресса. Первым выигранным ею делом была тяжба черокийских краснокожих индейцев, требовавших уплаты от правительства 3000000 д[олларов] за неправильно захваченные земли. Поэтому, начав адвокатуру без гроша, владельница всего нескольких футов пустопорожней земли на городском кладбище, теперь она получает от практики от 20 до 30 тысяч дол[ларов] ежегодно.

Седая как лунь, хотя ей не более 50 лет, с большими темными глазами и очень красивым лицом, она способна побить любого адвоката в знании законных лазеек и всех технических тонкостей. Она первая в Америке женщина, которой конгресс разрешил являться защищать в Высшем трибунале. Наряд ее полумужской и полуженский и на черном галстухе¹⁶⁵ красуется булавка с золотым наперстком вместо головки, которой она саркастически играет во время защиты своих мужских клиентов.

Д-р Мэри Уолкер – блумеристка, последний из могокан когда-то огромной секты 40[-х] годов, которая посылала своих членов вербовщицами в Париж и Лондон, а затем, потерпев фиаско, мало-помалу рассеялась и исчезла с лица Нового Света. Сама м-рисс Блумер¹⁶⁶, основательница этого общества, давно уже покинула мужской костюм и сделалась биржевиком в юбках, да так ловко распорядилась, что нажила себе несколько миллионов. Одна Мэри Уолкер переупрямила всех членов Блумера и поклялась не скинуть костюм до самой смерти. Она живет в Вашингтоне и кроме хорошей практики получает пенсию, так как конгресс единодушно вотировал ей золотую медаль за медицинские пособия и услуги, оказанные ею армии во время последней междоусобной войны. Несмотря на ее уморительные шаровары и матросскую шляпу, она честная, добрая и великодушная женщина. С год тому назад она было совсем решила ехать предложить *безвозмездно* свои услуги русской или румынской армии¹⁶⁷. Каюсь, «Голос» первый отговаривал ее, зная какие неприятности и оскорбления она получила бы вместо благодарности. В действительности, эта женщина скорее достойна сожаления и даже удивления, нежели смеха. 49 лет хронического мученичества из-за костюма оставили на лице ее печать какой-то странной смеси покорности и вместе с тем отчаянного сопротивления против людей и рока. Согласитесь, что требуется сильная доля недюжинного героизма, чтобы добровольно отдавать себя на съедение голодных зверей общественного цирка из-за чистого и бескорыстного принципа убеждения.

Не видя ничего более достойного внимания в городе конгресса, сенаторов и «цариц» политической интриги, пролетим через его улицы, расположенные по алфавитному порядку (от А до Y и снова с А-1 и т.д.) и вернемся в нью-йоркские номерованные улицы. Заглянем в *foyer*¹⁶⁸ нескольких главных театров и подивимся, как, не имея чести быть ни Патти, ни Росси¹⁶⁹, ни Ристори¹⁷⁰, наши антиподы – актеры и актрисы часто получают феноменальные жалованья. Некто

¹⁶¹ Уолкер Мэри (1832–1919) – американская феминистка, военный хирург, аболиционистка.

¹⁶² жестяником (*устар.*).

¹⁶³ Верховный суд (*англ.*).

¹⁶⁴ Лк. 18, 1–7.

¹⁶⁵ галстухе (*устар.*).

¹⁶⁶ Блумер Амелия (1818–1894) – американская суфражистка, борец за права женщин.

¹⁶⁷ Во время русской-турецкой войны 1877–1878 гг. Румыния выступала союзницей России.

¹⁶⁸ фойе (*фр.*).

¹⁶⁹ Росси Эрнесто (1829–1896) – итальянский трагик.

¹⁷⁰ Ристори Аделаида (1822–1906) – итальянская актриса.

Лестер Уолак¹⁷¹ с 1852 г. не берет ни гроша менее 2000 дол[ларов] в неделю, а стоит немногим выше русского дюжинного¹⁷² артиста провинциальных театров. Лидия Томпсон¹⁷³ требует 3500 д[олларов] еженедельно за шесть представлений и отпускает зрителя с головной болью от страшно крикливого голоса. Бутс (Booth – брат убийцы Линкольна) и Сойдерн требуют маленького состояния за недельное представление и получают его. За что такая честь этим драматическим акулам, остается для «Голоса» совершенно непонятным. Кому-либо знакомому с парижскими и петербургскими актерами подобные претензии остаются покрытыми густейшим мраком неизвестности.

Есть здесь, в Нью-Йорке, некая знаменитая и всем известная личность – Джордж Джонс, граф де Жуанес. Родившись в кухне среди кастрюль и сковород, он из маленького клерка на побегушках (у старшего писаря младшего помощника, по поговорке) сделался адвокатом и величайшим кляузником. Его тенденции в последнем качестве оказались столь замечательными, что он был, наконец, выгнан из Бостона с великим скандалом и к неописанной радости других адвокатов, которые поспешили исключить его из своих списков. Попад за границу, он втерся каким-то неизвестным способом в дружбу графа Сарториуса, некоего немецкого палатина, пользовавшегося привилегией награждать простых смертных титулами. Этот доблестный потомок тевтонского рыцарства, как-то раз напившись с Джонсом по своему обыкновению до чертиков, выдал ему свидетельство на графское достоинство и произвел в рыцари.

Вернувшись в Нью-Йорк, новый граф при громких аплодисментах публики был снова принят в число адвокатов. Но он имел страсть к сцене и потому, проводя дни в судах, по вечерам играл роли шекспировских трагедий, в которых, несмотря на страсть, вечно проваливался. Но последнее ничего не значит: если дрянной актер привлекает более публики, нежели хороший, то в Америке он всегда получит более содержания, нежели самый высокий артист. У нас искусство не понимают из чистой любви к искусству, но измеряют его долларами. Вследствие подобного понимания высшей культуры, мы и находим адвоката Джонса, графа де Жуанеса, по утрам являющегося за пюпитром возле подсудимого, а по вечерам буквально погребенного под грудой печеных яиц, яблок и других базарных продуктов, которые повсемирно служат конкретными символами партерного гнева. Согласитесь, что подобное двойное унижение званий адвоката и артиста может существовать только у одних антиподов!

Как видно по газетам, в Лондоне теперь ходит по рукам просьба к лорду Биконсфильду, в которой подписчики усердно молят его *премьерство* «постановить, дабы всякое объявление войны Англией, т.е. кровавой резни, следовало бы не иначе, как за целыми сутками народного поста, молитвы и покаяния». И в прошлом столетии протестантская Англия, вставая по утрам, молила Всевышнего благословить ее дневной труд и помочь совершать лишь одно благо. Но Америка, и отходя ко сну, и поднимаясь с постели, молится, по-видимому, одному Вельзевулу и Премьеру Маммоне с его нечестивыми рапиями¹⁷⁴: «О ты, всемогущий и обожаемый творец Америки и сынов ее, благослови наши мануфактуры, швейные машины, золотые промыслы и биржу! Помогите нам, Отче, закончить работу быстро, ловко, с барышом, бесстыдством и на погибель брату нашему – во имя дья-я-явола, аминь».

Эти слова недавно подслушаны и тотчас же зарегистрированы «Голосом» в молении преподобного д-ра Иосифа Кука. Его богомольная конгрегация обиделась и очень огорчилась, а обидясь и огорчась, подала на него жалобу в совет епископов за оскорбление словом. Совет испугался неудовольствия стольких *богатых* и влиятельных лиц и постановил выгнать преподобного из рядов проповедников.

Приятель «Голоса» Эдисон – изобретатель фонографа, посредством которого он теперь имеет честь передавать тифлисской публике свои путевые впечатления, собирается оделить все статуи великих людей в Центральном парке громкими голосами. Он испрашивает у города лишь позволение просверлить Шекспиру, Шиллеру, Гете, Гумбольдту¹⁷⁵, Морзе (изобретателю телеграфа

¹⁷¹ Уолак Лестер (Wallack, 1820–1888) – американский актер.

¹⁷² Ничем не выдающийся, обыкновенный, заурядный.

¹⁷³ Томсон Лидия (1838–1908) – американская актриса.

¹⁷⁴ грабителями (от *лат. rapio* грабить).

¹⁷⁵ Шекспир Уильям (1564–1616) – английский драматург и поэт.

этого имени) и Мадзини в их затылках дырочки, а уж за остальное он ручается. Вообразите ужас и суеверный страх невежественной толпы в тот день, когда Шекспир вдруг станет декламировать стихи, сочиненные – как уверяют антишекспировцы – под его именем Бэконом¹⁷⁶... Шиллер, выпучив глаза на онемевшую от ужаса публику, вдруг грянет Карла Моора (из «Разбойников»)¹⁷⁷. Гете объявит себя... или, если кто предпочитает, Мефистофель устами статуи своего творца объявит себя во всеуслышание: «Ich bin der geist¹⁷⁸...» etc. или: «Я дух, который отрицаю все. Все – кроме фонографа!» – вольным переводом; Гумбольдт прочтет главу из *Космоса*¹⁷⁹; Морзе покается перед народом, что он *нуль* в сравнении с Эдисоном, а Мадзини оглушит американских граждан фразой из «Aux armes, citoyens!»¹⁸⁰...

Эффект оказался бы великолепным. Уже несколько пасторов интригуют, дабы заранее поселить в народе идею, что Томас Эдисон продал душу черту, что он колдун... чародей! Коварные и неученые пасторы!!! Заблудший и суеверный народ!!! Остановитесь оба и вспомните, прежде всего, о словах, некогда произнесенных великим русским публицистом: «О, как велика ты, наша мать природа! – нежно шептал он в беспредельное пространство, лежа ничком в бурьяне. – Как велики и таинственно-загадочны твои деяния!.. И коровы то бывают у тебя черные, а молоко у них, все-таки, непременно белое!»

Но, к несчастью, ни протестантские пасторы, ни их неумытая паства, – а даже подчас и умытая, – никогда не читали произведений великого русского публициста и священное имя дедушки Кузьмы Пруtkова им столь же незнакомо, как и имя греческого Платона. Вследствие этого, Эдисон как истый член индо-нью-йоркского общества индуктивной метафизики¹⁸¹ и решил не обращать внимания на сих лающих на луну псов ни малейшего внимания, а напротив того, поклялся устроить говорящие на всех крещеных и басурманских языках аппараты, даже и в денежных ящиках. Только что подкрадетс я грабитель в полночный час привидений к чьей-нибудь туго набитой кассе: «Воры!.. Разбойники!.. Полиция! Держи его, лови!.. Лови!!..» – загремит невидимый голос; и вор, который газет не читает и твердо верит в черта, или упадет со страха замертво, или же удерет во все лопатки...

Первый такой опыт был сделан в кассе миллионера Робинсона¹⁸² и тайну знали лишь Эдисон да сам банкир. Третьего дня ночью весь квартал был поднят на ноги громовыми звуками: «Держи! Лови вора!», вылетающими из нижнего этажа. Через минуту здание банка было окружено толпою полисменов и сбежавшихся клерков. Возле железной и отпертой кассы лежал без движения несчастный вор, который и оказался собственным кассиром Робинсона. Все нью-йоркские обладатели пузатых касс бросились к Эдисону. Он требует за подобные аппараты 5 и 10 тыс[яч] долларов, смотря по величине и прочности машины. Фонографы, выставляемые доселе в Париже и Лондоне, были еще весьма недостаточно усовершенствованы. Только на прошлой неделе ему удалось окончить первый фонограф, отвечающий всем требованиям и за который его похвалил даже требовательный «Голос».

Шиллер Иоганн (1759–1805) – немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк.

Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт, государственный деятель, философ и естествоиспытатель.

Гумбольдт Александр (1769–1859) – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог и путешественник.

¹⁷⁶ Бэкон Фрэнсис (1561–1616) – английский философ, историк, государственный деятель. Ряд исследователей предполагает, что истинным автором произведений У.Шекспира является Ф.Бэкон.

¹⁷⁷ Карл Моор – герой пьесы И.Шиллера «Разбойники».

¹⁷⁸ «Я дух» (нем.).

¹⁷⁹ «Космос: план описания физического мира» – книга А.Гумбольдта.

¹⁸⁰ «К оружию граждане!» (фр.) – так начинается припев «Марсельезы», национального гимна Франции.

¹⁸¹ Речь идет о Теософском обществе, членом которого был Т.Эдисон.

¹⁸² Робинзон (устар.) – Робинсон (англ. Robinson).

IV

Воздушные дороги. – У взморья океана. – Скромность в Америке. Философические рассуждения об океанах вообще и барышнях в особенности. – Война с индейцами. – Гроза, каких мало.

Жара стоит тропическая. Раскаленные белые стены домов, железные решетки палисадников и балконов и железные же, сквозные и узорчатые ступеньки крылец «нижнего» города заставляют злосчастных граждан, подымающихся по ним, стремглав лететь вперед на цыпочках. 6-го июля в одном Нью-Йорке насчитывали 32 случая солнечных ударов. 9 июля было до 74!

В настоящую минуту центростремительные силы столичной жизни положительно взяли верх над центробежными. Все и всё стремится вон из этого раскаленного центра города. Увлеченный всеобщим стремлением «Голос» не противится уносящему его человеческому потоку. Он распластался и осип от жары, поэтому, предоставив себя тяжело дышащей толпе, он вместе с нею влезает на высокую лестницу станции воздушной железной дороги, возвышающейся на 80 футов над уровнем улиц, и берет билет на остров Конэй¹⁸³. Расположась в одном из роскошных сквозных вагонов на диване из морской травы, он ожидает, чтобы железная дорога умчала его за 15 миль на берег Северной реки. Все это удовольствие стоит 10 центов (16 коп[еек], если не ошибаюсь).

Поезд летит, унося тысячи обмахивающихся леди и потеющих джентльменов. Высоко парит он над головами прохожих; то грохочет над крышами более низких домов, то мчится, как вихрь, в двух шагах вдоль окон восьмых этажей более высоких зданий. Все окна открыты и внутренняя обстановка жилищ как на ладони. Их обитатели все более или менее раздеты; и странные, оригинальные иногда картины мелькают перед глазами сконфуженных пассажиров.

Говоря о воздушных дорогах, еле шесть месяцев тому назад открытых для публики, нельзя не упомянуть о грозящей городу революции домовладельцев. Весь Нью-Йорк начинает покрываться такими дорогами. Густой сетью переплетаются они над крышами домов и затемняют свет Божий. Поезда отходят каждые четверть часа и – как выше замечено – проходят на поларшина от стен и окон иных домов, начиная с 4 часа утра и останавливаясь лишь в половине 1-го часа ночи. Вообразите себе положение несчастных жильцов этих улиц! Не открывать окон в комнатах, где и без того люди задыхаются летом, равняется медленной смерти; открыть их – тотчас же комнаты начинают наполняться густым дымом и сажей. Последняя садится на мебель, коптит стены, портит в жилищах все. К довершению удовольствия в продолжение 20 часов с половиною из 24 – раздаются каждые 15 минут странный гром и свист поездов над самыми головами обреченных жертв. Эти постоянные громовые раскаты потрясают дома до основания. Жители вынуждены кричать во все горло и надрывать груди, так как обыкновенный разговорный тон совершенно заглушен этим адским шумом. Постоянное сотрясение нервов заставляет жителей сходить с ума, и сон становится невозможен. 38 медиков подали в защиту своих пациентов прошение на железнодорожную компанию. Кто мог, [тот] перешел в другие части города, и домовладельцам угрожает совершенное разорение.

Но пока мы как вихрь летаем из одного конца города в другой. Вот мы у берега реки на пристани пароходов, развозящих разгоряченных жителей по островам нью-йоркских окрестностей. А островов этих и не перечить. Два самых главных – остров Конэй и *Long Island*, или «Длинный остров». На последнем – в 300 миль длины и 25 ширины – разбросано бесчисленное множество деревушек и ни одного города. Конэй-Айленд – самое любимое место летних прогулок ньюйоркцев. Купанья в нем превосходные, но, посетив его несколько дней сряду, рискуешь получить глазное воспаление, до такой степени осветителен блеск этой громадной равнины с серебристо-белым, сверкающим, как снег на солнце, песком. Гигантские пароходы в 500 футов длины и выстроенные, как дома, в три этажа в летний сезон отправляются каждые полчаса из Нью-Йорка на острова. На одном из них мы и отправляемся теперь.

На берегу давка, шум, крик. На палубе приходится чуть не драться за каждый стул. Еще минута и пароход представляет одну сплошную массу человеческих голов, но отрадная мысль, что

¹⁸³ Кони-Айленд (англ. Coney Island).

через полчаса вы будете стоять на мягком песке острова, на берегу необъятного прохладного океана поддерживает ваши падающие силы.

Свисток, пронзительное шипение и пароход отходит, заходя, впрочем, в целые восемь пристаней за другими пассажирами, прежде чем окончательно отплыть в путь; наконец, он поворачивает и уходит по направлению открытого моря.

Вид поистине восхитительный... Весь берег покрыт лесами, роскошными парками и дачами.

Гавань Нью-Йорка, по словам знатоков, красивейшая во всем мире и оставляет за собой даже неаполитанскую на втором плане. По мере того как вы удаляетесь к морю, эта чудная гавань начинает представляться вашим глазам все более и более какой-то волшебной, необъятной лазоревой равниной. Она вся испещрена судами, пароходами, яликами. Громаднейшая и одна из самых удобных на земном шаре она могла бы служить убежищем нескольким сильным флотам, и им все еще было бы просторно. Но вот мы миновали Стэтен-Айленд¹⁸⁴, прелестнейший островок, напоминающий неаполитанское Амальфи и преимущественно заселенный немцами и злейшими комарами. Вся гавань начинает затягиваться легким флером, сквозь который искрятся на солнце разноцветными огненными переливами тысячи флагов с позолоченными шпицами и украшениями.

Мало-помалу и это исчезает, тонет в бархатистой туманной дали. Мы минуем губернаторский остров с казармами, опустевшими с окончанием войны; затем – форт Лафайет¹⁸⁵, на котором грустно торчат остатки заросших травой руин, некогда грозной крепости, куда сажали политических преступников. В наше время последние перешли в область легенды; они рассеялись и исчезли. Их нет и быть не может с самого того дня, как благодетельная конституция, отказавшись признавать Бога или какую-либо одну религию в предпочтение другой, даровала всем одинаковые права не верить ни во что и никому, кроме ее самой. Республиканская партия интригует против демократической, а обе они против народа и против конгресса. Демократы составляют заговоры против своего президента Гейза и стараются свергнуть его до истечения срока, но заговорщики эти поступают совершенно легально: они заявляют лишь свои законные, дозволенные конституцией права. Напротив: вздумал было генерал Шерман¹⁸⁶ (республиканец и главнокомандующий войск) пригрозить демократам, объявив, что в случае, [если] они начнут вытуривать Гейза, то он призовет войска на помощь президенту, демократы, которые составляют большинство в конгрессе, тотчас же его отдали под суд за дерзость конгрессу и измену конституции, а милиция объявила, что она драться за мошенника Гейза не намерена. Коротко и ясно. Так какие же у нас могут быть «политические» преступники? Слово «политика» теперь в Америке служит синонимом «подлости». Назовите честного человека или только представляющегося честным (что для публики все одно) «политиканом» и он вам либо даст в рыло, либо потащит в суд. Поэтому-то наш американский *Chateau d'Ef*¹⁸⁷ и укрывает теперь вместо графов Монте-Кристо одних пугливых кроликов да летучих мышей.

Но вот засверкали в туманно-синей дали серебристые берега Коней-Айлэнда. Так и завяло от них влажной прохладой. Еще несколько минут и мы у пристани. Глубоко вязнут ноги в горячем песке, но свежий морской ветерок придает вам новые силы. Пропотевшая толпа мгновенно высыхает; все бегут к купальням какой ни попало дорогой. Некоторые даже не предупредив стрелков в шалашах, устроенных для стрельбы в цель, смело пересекают тропинку, ведущую к мишени. Иногда шальная пуля попадает в живую цель. Но это самое обыденное и никого не удивляющее происшествие... Оно интересует лишь коронера¹⁸⁸ да компании страхования жизни.

Система купален у нас совсем другая, нежели в Европе. Длинные ряды балаганов построены за 50 сажень от моря. В них раздеваются и обязательно наряжаются в самые странные костюмы: мужчины – в разноцветные трико, дамы – в коротенькие фланелевые штаны и кофточки. Оба пола купаются вместе и бегают по берегу и большой дороге облипшие в воде и более чем полунагие, и

¹⁸⁴ Стэтен-Айленд (англ. Staten Island).

¹⁸⁵ Лафайет Жильбер (1757–1834) – французский политический деятель, участник американской войны за независимость, Великой французской революции и июльской революции 1830 года.

¹⁸⁶ Шерман Уильям (1820–1891) – американский политик, военный и писатель.

¹⁸⁷ замок Иф (фр.).

¹⁸⁸ Коронер (англ. coroner) – должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти.

все это безконфузно и очень спокойно. Мода и обычай превратили то, что в городе считалось бы крайним бесстыдством, в весьма приличное препровождение времени. Молоденькие девушки высшего – виноват, богатейшего – полета беззастенчиво лезут голыми до боков ногами на плечи мужчинам и, установив равновесие, кувыркаются головою вниз в море. Да! Наблюдать за этим содомом-гоморрным обществом стоит поездки на острова! А за этой шумящей и барахтающейся в воде ватагой – океан... необъятный синий океан, коварно поглощающий каждый летний сезон десятки неосторожных купальщиков.

Ничто в природе так не напоминает женщину, как океан; капризы его и фантазии быстро проявляются и исчезают и никто не сумеет предсказать им час. Океан получает свой цвет от неба и волнения его зависят от воздуха. Его самое существование с его постоянным кокетничаньем и отражением стихий всецело зависит от последних, но он, несмотря на все это, совершенно по-женски постоянно и смело вызывает их на бой. Если вы грубо броситесь в него или зайдете слишком далеко, он поступит с вами презрительно и безжалостно, он, как женщина, постарается погубить вас. Если же, напротив, вы искусно приласкаете коварного, осторожно и тихо доверитесь его предательским волнам, он послушно и ласково понесет вас на высоких хребтах своих и приголубит, как дитя на груди любящей матери...

Эта философская тирада, быть может, и не совсем принадлежит к числу чисто сенсационных новостей, требуемых от «Голоса», но мы, по вольности своего «гражданства», потчует вас одной. Во время 45-градусных жаров тифлиских вам и самим будет приятнее читать о прохладном океане, нежели узнать, например, как у нас злые жены сожигают целые кварталы. Мистрисс Броун, супруга сборщика недоимок, рассердясь на своего благоверного, распоролла несколько тюфяков, налила их керосиновым маслом и зажгла по одному в каждой комнате. Загорелся весь квартал, и сгорело 5 домов, а вместе с ними и ее четверо детей. Она убежала и была поймана на этом самом берегу прохладой веющего острова Конэй в то самое время, как собиралась утопиться.

Но на берега Конэй-Айлэнда собираются лишь те, которые не в состоянии или ехать в Европу, или же тратить 50 дол[ларов] в Саратоге¹⁸⁹. Вообще наши американские красавицы избегают морских купаний и очень умно предпочитают домашние ванны. У взморья природа преследует хорошеньких женщин. Солнце выбирает ее своею мишенью и стреляет в нее веснушками, ветерок полирует и окрашивает ее в буро-коричневый цвет, а морская вода просаливает ей губы и иногда покрывает сыпью. Не думаю также, чтобы истинные любители «прекрасного» в своих часто долгих и бесполезных рысканиях за красотой нашли бы на «фешенебельных» купаниях что-либо напоминающее им о классической красоте греческих статуй. Наши американки лицом красивы, но телом – весьма поджары и неказисты. К тому же публично выставленный мозоль на голой ножке (а наши леди вследствие узкой обуви даже весьма мозолисты) иногда способен охладить самую сентиментальную любовь, а синяя фланель штанов и купальной кофты фатальна чему-либо изъясляющему претензии на контуры фидиасовских¹⁹⁰ статуй. Венера Афродитская и ее нимфы – креатуры¹⁹¹ кисти воспаленного воображением художника и в природе не совсем полагаются. Взгляните на всем известную роскошно сложенную красавицу, выходящую из воды... Она похожа на мокрую тряпку. Румянец ее облинял, и длинный разрез миндальнообразных глаз превратился в черные баки; и лорнеты, и бинокли нью-йоркских франтов, толпящихся на берегу, напрасно ищут следов ее обыкновенно столь роскошного бюста.

Вероятно, нечто подобное такому разочарованию случилось на днях на купаньях Лонг-Брэнча¹⁹². Дочь богатого фабриканта Ловеля подала в суд прошение на некоего франта – банкира Ж.М.Морса за отказ его жениться на ней за несколько дней до свадьбы и требовала 200000 дол[ларов] за поруганную честь!! Экс-жених оправдывался тем, что у нее «ноги в ранах», а он желает здоровую мать своим будущим детям. Несмотря на это, его присудили уплатить ей 50000 дол[ларов]. Куш изрядный, и на него можно закупить мази для лечения ран. У нас, как видите, как и в Англии, забывая наполеоновский совет, любят «мыть грязное свое белье» среди публики и священная неприкосновенность домашнего очага считается абсурдом.

¹⁸⁹ Саратога-Спрингс – город-курорт на востоке штата Нью-Йорк, известный лечебными источниками.

¹⁹⁰ Фидий (Phidias, ок. 490 – ок. 430 до н.э.) – древнегреческий скульптор и архитектор.

¹⁹¹ Креатура (*лат.* creatura) – создание, творение.

¹⁹² Лонг-Бранч (*англ.* Long-Branch).

Невзирая на жару, наших граждан начинают сильно коробить известия из «Уэста»¹⁹³ – Запада. Орегонские индейцы взбунтовались. Они нашли, что, несмотря на постоянные обещания из Вашингтона следить за индейскими агентами, последние столько же крадут [в] этот год, как и прежде. Деньги, выдаваемые казной на одежду краснокожим, на хлеб и вспомоществование, продолжают исчезать в карманах агентов, а индейцы умирают от голода и холода, как собаки. 17 тысяч краснокожих – так называемых *nez percés*¹⁹⁴ – уже изрезали в куски две роты, посланные на помощь гарнизону. На зов «не-персе» поднимаются и присоединяются к ним другие и доселе враждебные им племена. Генерал Гоуард¹⁹⁵ посылает отчаянные известия. Быть может, во всем мире не найдется зверя, подобного индейцу в битве и с которым было бы труднее сладить.

В Техасе разбойники продолжают грабить почту, а в Монреале 12 июля ожидают сильного кровопролития и сражения между оранжмэнами¹⁹⁶ (ирландскими протестантами), так называемые со времен принца Оранского¹⁹⁷ и выигранной им битве¹⁹⁸, и риббонмэнами (ирландскими католиками). Три тысячи человек войска послано туда, но фанатические подстрекания католических патеров и протестантских пасторов окажутся сильнее войска. Оранжмэнов (*orangemen*) там насчитывают до 50000 человек, и они приняли обыкновение ежегодно совершать процессию в честь победы их над католиками. Это-то «поругание над св[ятым] отцом», как последние называют процессию, и сделалось причиной с каждым годом увеличивающихся смертоубийств во время этих периодических сражений.

«Еще одно последнее сказание»... и «Голос» умолкнет. Во время последней бури случилось нечто поразительно ужасное. Здесь все церкви или, скорее, их паства имеют странную привычку давать каждое лето пикники с «выпивкой» в пользу своих церквей, если можно назвать этим именем здание, которое, быть может, вчера было кабаком, а если церковь продадут с молотка, – что ежедневно случается, – то оно завтра делается игорным домом или балаганом цирка. В штате Нью-Джерсей в долине Манчатана в небольшом леску члены церкви давали 5 июля такой пикник. Вдруг взвился вихрь и через пять минут вырвал с корнями несколько деревьев. Не прошло других пяти минут как гром и молния убили одного за другим 16 человек. Затем перепуганные пикникисты бросились искать приют в своих трех фурах с провизией. Одну фуру подрезанное молнией дерево совершенно разбило на осколки с 9 сидящими в ней людьми. Другую вихрь и молния разнесли по кускам, убив 13 человек. Третью снесло в тут же протекающую реку. Всех убито в эти 10 минут 53 человека, ранено – 16.

Но самое курьезное то, что когда ураган и гроза пролетели далее и погода сделалась по-прежнему тихою, то несколько оставшихся в живых человек стали собирать трудно раненых и уносить к соседним фермам, прося помощи, ни один из жителей оных не согласился отворить дверь дома. Все они отвечали одно: «Мы люди семейные и не имеем права рисковать жизнью детей наших. Если мы вас впустим – молния нам отомстит непременно». И не пустили.

Некоторые путешественники пишут целые диссертации о глупых суевериях язычников. Полагаем, что подобное суеверие цивилизованных христиан в полном XIX-м столетии стоит любого из суеверий Индостана.

---

¹⁹³ Вест (*англ.* West).

¹⁹⁴ Нэ-персэ (также нез-персэ, нез-персе, не-перс и т.п., *англ.* Nez Perce) – индейский народ в США. Название «*nez percé*» от *фр.* «проколотый нос».

¹⁹⁵ Говард Оливер (Howard, 1830–1909) – американский генерал.

¹⁹⁶ оранжистами (*англ.* orangemen).

¹⁹⁷ Вильгельм III, принц Оранский (1650–1702) – король Англии с 1689 г.

¹⁹⁸ Битва на реке Бойн (11 июля 1690 г.) – сражение между армиями свергнутого короля Якова II и взошедшего на престол Вильгельма III Оранского, в результате которого победа досталась Вильгельму. На стороне Якова II выступило много ирландцев-католиков, на стороне Вильгельма III в основном были английские протестанты. Оранжисты с тех пор отмечают этот день как праздник и чтят Вильгельма Оранского как героя.

Празднование 4 июля в Америке. – Модель пожарной команды. – Смертоубийства, самоубийства и всякие другие преступления. – Как у нас пасторы отделяются от старых жен. – Заключение.

4 июля! Великий знаменательный день для граждан Соединенных Штатов; у нас нет большего праздника во всей республике. Это день прокламации независимости страны, [подписанной] сто три года тому назад в Филадельфии отцом Америки Вашингтоном и «дядюшками» ее, разными другими великими гражданами. До июля месяца они дрались за свою свободу и сильно колотили англичан; в июле 1775 года¹⁹⁹ они окончательно изгнали красные мундиры²⁰⁰ из страны и объявили страну свободной республикой. И вот с тех пор граждане празднуют ежегодно 4-е июля и на радостях – особенно гражданята, мальчишки – совершают убытку городам и деревням на весьма значительные суммы. Три дня до знаменательного дня несколько сот тысяч подростков-граждан и еле вышедших из пеленок янки уже закупают ракеты, звезды, готовят бенгальские огни и разные другие столь же опасные игрушки, в которых револьверы и пистолеты играют одну из важных ролей. С 3-го на 4-е число пушка на батарее у гавани возвещает о заре вожделенного дня, как начинаются во всех улицах и закоулках ужасающая трескотня и пальба. Несметные тысячи мальчишек и даже девочек запружают улицы, строят фейерверки и потешные огни среди улицы, на тротуарах; пускают ракеты из окон; стреляют куда и во что попало, невзирая ни на крики ужаса прохожих, ни на вопли нервных гражданок. Нет того города, той деревушки, где бы ни было несколько случаев пожара. В этот день ракеты лопаются между ног злополучных граждан, влетают под юбки гражданок, зажигают цветы на соломенных шляпках и обжигают физиономии пешеходам... [В] нынешний год ввиду всеобщих жалоб было запретили это удовольствие мальчишкам; поэтому и несчастных случаев было менее. Но, несмотря на строгое запрещение, невзирая на фаланги полисменов на всех улицах, 4-е июля все-таки взяло свое. День был страшно жаркий и полицейских щедро потчевали все кабачники. Так что к четверем часам пополудни они все перепились и пошла потеха!

Ракеты подожгли девять домов и конюшню, дома и лошади сгорели, обгорел до смерти и один полисмен. Одной почтенной даме, которая сидела у себя в гостиной нижнего этажа, шальная пуля прострелила живот, и она была убита на месте. Другому гражданину оторвало нос, третьему перебило ноги. Особенно усердно праздновалось 4 июля в большом саду сквера, возле батарей. В этом саду, где в прошлом столетии стояла бронзовая статуя короля Георга III²⁰¹, теперь стоит статуя Свободы. В то время будущие граждане разбили статую короля и, вылив из нее пушечные ядра, поубивали останками низвергнутого британского величества множество его английских подданных, а сто с небольшим лет после того, т.е. два дня тому назад, неукротимые мальчишки свободной Америки разгромили ракетами физиономию богини Свободы, в честь которой именно и усердствовали.

Упомянув о пожарах, нельзя не упомянуть с величайшими похвалами о лучшей организации в мире, а именно о пожарной команде во всех городах Америки и особенно Нью-Йорка. Не дурно было бы учредить подобную систему и в Европе. Каждый квартал города имеет на каждой своей улице так называемый «пожарный столб». Лишь загорится где дом тотчас полисмен той улицы бросается к столбу и приводит в движение электрический звонок, который сообщается с пожарной станцией того квартала. Например, горит дом под №14 на 3-ей улице 27 участка, и звонок передаст эти номера в конюшню пожарной команды. При первом его ударе сама отстегивается со стены механическая упряжь и быстро протягивается вдоль стойл на высоте лошадиных спин. Пожарные же лошади выучены не хуже лошадей любого цирка. Услыхав звон, умные животные, не дожидаясь конюхов своих, поворачиваются и сами пристегиваются к хитро придуманной упряжи, составляющей с экипажами пожарных орудий одно. Дежурные пожарные или, как их здесь зовут,

¹⁹⁹ Е.П.Блаватская ошиблась, Декларация независимости США была подписана в 1776 г., в 1878 г. праздновалась 102 годовщина этого события.

²⁰⁰ Мундиры британских солдат были ярко-красного цвета.

²⁰¹ Георг III (1738–1820) – король Великобритании (с 1760 г.).

*firemen*²⁰², «огненные люди», не должны раздеваться ночью. От первого звонка до выезда пожарных из конюшни им дается всего 12 секунд; на тринадцатой они уже мчатся, как вихрь, на место пожара. В подобной системе не может быть места ни малейшему замедлению, ни ошибке... «Голос» живет возле пожарной станции и имел возможность многократно наблюдать за этой интересной организацией. Почти все пожарные – здоровенные великаны на подбор из Кентуккского штата, славящегося своим рослым населением и храбростью жителей; любо видеть их за работой. Это нечета разленившимся после войны гражданам-милиционерам, которые во время прошлогодней питтсбургской стачки рабочих удирали от последних по железной дороге, переодевшись в женские платья, а иные так и совсем спрятавшись под юбками сердобольных кумушек-гражданок. Как саламандры бросаются наши пожарные в огонь, словно живут и дышат в нем; и много, много геройских дел совершают они ежегодно. А американские пожары-то поопаснее будут наших российских. Восьми- и девятиэтажные дома, соединенные один с другим общей стеной, тянутся словно звенья одной цепи во всю длину улицы. Теперь эти дома начинают строить со «спасительными от огня» балконами под окнами каждого этажа и несгораемыми веревочными лестницами. Гибель нескольких тысяч народа в прошлогодних пожарах в Чикаго и Нью-Йорке заставила домовладельцев быть осторожнее. Дома начинают выглядеть уморительно смешными: точь-в-точь громадные корабли с перепутанными снастями. Зато спится гражданам спокойнее. Но ведь эта предосторожность спасает лишь от одного рода смерти...

Несмотря на то, что ни в какой стране Европы не существует такого огромного количества компаний для страхования жизни человеческой, как у нас, но зато также и нигде эта жизнь не подвергается стольким разным опасностям, как в Америке. Страницы статистик о смертоубийствах, самоубийствах и всяких других убийствах увеличиваются у нас с каждым годом. Мания самоубийства распространяется с ужасающей быстротой во всех классах общества, в рядах детей и между взрослыми. Третьего дня утопилась красавица-жидовка, жена банкира Вертеймера; вчера было пять случаев *felo de se*²⁰³, как выражаются у нас коронеры (судебные следователи по части само- и смертоубийств), два из коих совершены 14-летним и 11-летней девочкой. Последняя, прежде чем повеситься на крючке комнатных качелей в детской, оставила раздушенную записку, в коей объявляла родным (отец ее сенатор Джонсон), что ей *жизнь надоела* (*sic*); что так как закон страны не позволяет ей выйти замуж в ее года за любимого мальчика и ей придется ждать три года еще до 14 лет, то она предпочитает расстаться с жизнью!!!

Сегодня в газетах появляется ужасающий рассказ о том, как шестилетний мальчик Уилли Мак-Гайр убил товарища своих игр Джонни Тирриана. Мальчики играли в «орлянку» у дверей дома первого, сына богатейшего контрактора²⁰⁴ Нью-Йорка. Сестра шестилетнего преступника, девочка лет пяти, смотрела на них из окна. Уилли проигрывал и горячился. Наконец, он закричал сестре: «Брось мне из окна мой нож». Девочка повиновалась, и этот *шестилетний* ребенок, хладнокровно выточив нож на каменных ступеньках крыльца, подошел к товарищу, девятилетнему Джонни, и, всадив ему нож в грудь до рукоятки, подобрал все пенсы на тротуаре и, войдя в дом, запер дверь. Мальчика подобрали и нашли, что нож перерезал легкое: через час он умер! «Голос» не мог поверить этому и отправился нарочно в дом убитого мальчика. Старик-отец, бедный работник, рыдал над трупом единственного сына. Говорят, богач-контрактор предложил ему, с условием замять дело, сто долларов! Вчера вечером на 47-й улице под моими окнами совершено другое убийство тоже десятилетним мальчиком. Изгнанный из среды играющих детей за что-то, он вернулся домой, взял со стола у отца заряженный револьвер, подошел к группе оскорбивших его мальчиков и дал по ней несколько выстрелов. Один пятилетний мальчик убит наповал, другому раздробило ногу...

Обоих маленьких убийц арестовали и их, конечно, посадят до 18 лет в исправительное заведение малолетних преступников. Повесить их, понятно, невозможно. И что ж? Они будут находиться многие годы в обществе самых порочных детей страны; выйдут на волю и, без сомнения, начнут тотчас же применять на практике все изученные ими в юношестве пороки.

А вот еще одно оригинальное убийство, делающее честь американской изобретательности.

²⁰² пожарные (*англ.*), fire – огонь, men – человек.

²⁰³ самоубийств (*лат.*).

²⁰⁴ Контрактор (*англ.* contractor) – подрядчик, поставщик.

Один богатый землевладелец Марк Кофлан, молодой человек, был сделан опекуном своей малолетней племянницы. В духовном завещании сестры было добавлено, что в случае смерти дочери до замужества все ее миллионы должны перейти к дяде. Это несчастное прибавление и погубило девочку. Дядя жил в Неваде, стороне, наполненной змеями. Заманив девочку в большой сад, Кофлан привел ее в бесчувственное состояние хлороформом, затем задушил, сев к ней на лицо, и боясь, чтобы она не вернулась к жизни, он сделал ей сильный укол на ноге толстой колючкой, влив в ранку очень сильный яд, и, придав телу неестественное положение, как будто она умерла в сильных конвульсиях, положил возле нее убитую ядовитую змею. В свою очередь эта змея и выдала его преступление.

На крики его сбежались соседи. Послали за коронером; тот осмотрел девочку и решил, что она умерла от укуса змеи. Но некий сосед, известный охотник и хорошо изучивший змей, любопытствовал осмотреть гадину. Он нашел, что жало было цело и мешочки полны яда! Стало быть, эта змея не могла укусить девочку. Случай этот повел к более серьезному осмотру тела. Кофлан был арестован и сознался во всем.

Не правда ли, как изобретательны наши граждане?

Надеюсь, что добродетельные жители вашего Тифлиса не примут вышесказанного за американские «утки»? Факты налицо. Не угодно ли вам просмотреть нью-йоркские газеты за последние два месяца? Ручаюсь, что у вас волосы встанут дыбом от этого чтения. В них вы увидите, как Бенджамин Гентер, богатый квакер города «друзей», застраховав жизнь своего беднейшего партнера, Армстронга, за 27000 долларов и взяв документы о застраховании в залог за 1200 дол[ларов], должные ему последним, нанял убийцу и, заманив жертву за город, смотрел из-за пустой бочки за углом, как тот убивал его партнера, раздробив ему голову молотком. Во время процесса узнали кроме того, что сей маститый старец отравил двух обесчещенных им молодых женщин и спровадил на тот свет родного брата (ради наследства) и трех незаконных детей. Когда ему объявили о единодушном приговоре присяжных к смертной казни, то он выслушал приговор весьма стойчески и, приведенный назад в тюремную келью, стал петь во все горло:

Лишний день работы для моего Иисуса,
Одним днем меньше для меня!

После же гимна преспокойно захрапел, осведомившись сперва, когда его станут вешать...

А то не угодно слушать, как пастор города Вержен²⁰⁵ в Вермонтском штате, Эзра Смитт, имеющий жену и взрослых детей, вздумал влюбиться в супругу честнейшего и несчастнейшего своего плотника. Влюбившись, он недолго колебался. Застраховав жизнь престарелой и верной спутницы жизни, вероятно, чтобы уж заодно соединить и «приятность» и выгоду, он купил стрихнина якобы для слишком обжорливых крыс в амбаре и преспокойно стал кормить малыми дозами свою старуху ядом. Она свалилась и на четвертый день после ужасных мучений, в продолжение которых любовница пастора мисс Клемс постоянно ухаживала за своей законной соперницей и совершенно бросила и мужа и детей, жертва протянула ноги. Преступление, быть может, и осталось бы тайным, когда бы брат покойной, приехав из другого штата поздно ночью, когда уже все сторожащие мертвое тело спали, не наткнулся, входя в комнату смерти, на достойного пастора и его возлюбленную. Не ожидая быть прерванными, наши голубки тут же, в двух шагах от умерщвленной покойницы-жены, изволили покоиться в объятиях друг друга на диване. Костюм обоих был таков, что брату не оставалось ни малейшего сомнения насчет их, как бы это выразить?.. Ну, «преступного разговора»²⁰⁶, как это называется в Англии. Вышел страшный скандал. Брат, пошумев, уехал, но вернулся через два дня с позволением освидетельствовать тело. Несчастную мисс Смитт, уже похороненную, выкопали опять и внутренности ее были посланы известному химику Доремусу²⁰⁷ для исследования. В животе не нашли ничего, кроме стрихнина. Впрочем, удивляются, как с такой дозой она могла еще прожить несколько дней. Преподобного собираются повесить.

²⁰⁵ Верженн (англ. Vergennes).

²⁰⁶ измены, прелюбодеяния (англ. criminal conversations).

²⁰⁷ Доремус Чарльз (1851–1925) – американский химик.

Третьего дня мисс Лейдекер бросилась в воду, утопив предварительно четырех детей. Затем богатый мануфактурист отравил жену пивом, куда насыпал тоже стрихнина. Самуэль Геббард, женоубийца – благочестивый член епископальной церкви. Пастор другой, церкви Троицы, убежал с женой своего дьякона и, пойманный, убил из револьвера двух полисменов...

Вообще говоря, от одного утреннего чтения любой газеты о происшествиях прошлого дня от непривычки голова закружится. Вот, например, *menu*²⁰⁸ сегодняшней газеты *Sun* – 7 июля:

Полдюжины утопленников – неосторожное купание; 5 самоубийств; 2 братоубийства; 4 отце-и матереубийства; 14 смертоубийств – полагают бродягами; и т.д., и т.д. В одном Нью-йоркском штате насчитывают 60000 бродяг без работы и всяких средств к жизни. Еще несколько лет эмиграции из Ирландии и других разоренных стран и можно будет положительно ожидать, что случаи естественной смерти будут считаться как редкое и исключительное явление в Америке.

VI

Великое горе в миниатюрных сердечках. Смерть самой маленькой из матерей в целом свете. – Черное облако над Белым домом. – Возмездие краснокожих. – Благочестивый патриарх Лот Америки и его дочери. – Ильи Муромцы Бродуэя Нью-Йорка.

Несколько дней тому назад я побывал в Мидль-Боро²⁰⁹ в Массачусетсе, где происходила умилительная сцена. Даже твердые сердца крепко-нервных мужчин поддались сожалению, и я видел много грубых, загорелых рук, вытиравших украдкой слезы. Дамы плакали навзрыд, и все население искренно разделяло общее горе...

Хоронили миниатюрнейшую мать и самого крошечного ребенка в Соед[иненных] Штатах. Минни Уорен²¹⁰, самая молодая и красивая, как и самая любезная и остроумная из колонии карликов, подобранной Барнумом, умерла в родах. Минни была ростом ровно в 36 дюймов²¹¹. Она жена Ньюеля²¹², прозванного Генералом Грантом-младшим, карлика, рост которого не превышает 40 дюймов, и сестра Лавинии²¹³, супруги знаменитого Генерала Тома Пуса²¹⁴. Все девять карликов, составив себе огромные состояния, поселились в прелестной деревушке возле Мидль-Боро, построили дачи, накупили земель и жили припеваючи. Минни и сестра ее Лавиния были младшими крошечными сестрами шестерых здоровенных детей зажиточного фермера; каждый из них в противоположность этим двум карлицам великан ростом! Минни было всего 23 года, когда она умерла. Она весила 42 фунта²¹⁵. Когда Генерал Том Пус женился на сестре ее (38 дюймов), все ждали, что крошечный Коммодор Нет²¹⁶ (nut – орех), предложит Минни руку и сердце. Он это и сделал, но, к несчастью, получил отказ! Вследствие некоего скандала с толстой и дородной вдовой трехаршинного роста, которая подала на него в суд прошение, обвиняя бедного в коварном обольщении ее, саженой вдовы, разлетелось счастье Нета.

Крошка Нет ростом своим доходил ровно до подвязок пламенной вдовы. Минни была честной и деликатной девушкой и в ее миниатюрном тельце билось сердце героини. Она подавила любовь свою к красивому карлику и вышла замуж за Ньюеля – Генерала Гранта-младшего, по прозванию.

Бедный маленький Нет выказал такое отчаяние, что его товарищи стали бояться за его

---

²⁰⁸ *меню* (англ.).

²⁰⁹ Мидлборо (англ. Middleborough).

²¹⁰ Уоррен Минни (Warren, 1849–1878) – американская лилипутка, выступавшая в труппе Ф.Т.Барнума, жена Э.Ньюэлла, сестра Л.Уоррен.

²¹¹ 0,91 м.

Дюйм – единица измерения расстояния, равная 2,54 см.

²¹² Ньюэлл Эдмунд (Newell, 1857–1915) – американский лилипут, выступавший в труппе Ф.Т.Барнума

²¹³ Уоррен Лавиния (1841–1919) – американская лилипутка, выступавшая в труппе Ф.Т.Барнума.

²¹⁴ Стрэттон Чарльз Шервуд (1838–1883) – американский лилипут, выступавший в труппе Ф.Т.Барнума.

²¹⁵ 19 кг.

Фунт – единица измерения массы, равная 0,4536 кг.

²¹⁶ Натт Джордж (Nutt George, Commodore Nutt, 1844–1881) – американский лилипут, выступавший в труппе Ф.Т.Барнума.

рассудок. Раз, в припадке любовного безумия (то был день свадьбы Минни), он бросился под громадные ноги самого свирепого слона из зверинца. Но слон, который ревел и отчаянно рвался из цепей своих, увидав под ногами маленького человека, вдруг остановился, понюхал карлика и, приняв его вероятно за букашку, схватил поперек тела хоботом и осторожно откинул на скирду сена.

– Ничего, Коммодор, – утешал его веселый Барнум, – утешься, дружище! Мы найдем тебе лучшую невесту.

– Благодарю вас, сэр, – злобно ответил карлик. – Я не женюсь теперь на лучшей красавице. Но я отомщу всем женщинам!

И он сдержал слово. Где бы ни проезжал цирк Барнума – там и любовный скандал. Коммодор-орешек стал страшнейшим ловеласом, и все его заработки уходили на денежные штрафы, которые, как всем известно, одни служат целительным бальзамом для разбитых сердец прекрасных американок.

Между тем, Минни готовилась сделаться матерью, и дамы Нью-Гэвена²¹⁷ и Мидль-Боро целые дни перешептывались, передавая друг другу впечатления после своих визитов к Минни. Рассказывали о крошечных рубашечках и чепцах, приготовляемых, словно для детской куклы. Маленькая Минни и муж ее радовались и с нетерпением ожидали критической минуты. Один доктор грустно качал головою.

И вот родился на свет 20 июля крошка, весящий три фунта с четвертью, но увы! Он жил всего два дня. Обессиленная страданием, мать не выдержала горя – умерла!

«Поноси меня на руках, Кэти», – сказала крошечная женщина за полчаса до смерти своей шестифутовой здоровой сестре. И сестра взяла ее на руки и со слезами стала убаюкивать ее, как ребенка. «Похороните вместе со мной дитя мое», – прошептала Минни и тихо скончалась.

Услышав о смерти ее, «Голос» тотчас же отправился в Нью-Гэвен. В красивой вилле, утопающей, как гнездо в зелени, в столовой стоял маленький гробик и в нем, вся покрытая дорогими оранжерейными цветами, лежала крошечная мать и еще более крошечный ребенок ее. Они словно спали оба! Не могло быть более умиленного, трогательного зрелища, как это детское, прелестное даже в смерти личико маленькой матери, прикинутое к головке ребенка, которого она крепко прижимала к своей мертвой груди. Муж ее тут же истерически рыдал, спрятавшись в белоснежных складках атласного покрывала. «Голос» чуть не наступил на него. Генерал Том Пус сперва храбрился, утешая жену, но не выдержал и тоже стал горько плакать. Даже у миллионера Барнума (бывшего содержателя их), нарочно приехавшего из Нью-Порта²¹⁸ на похороны своей любимой карлицы, были слезы на глазах. Гроб понесли шесть карликов и поставили на маленькую траурную колесницу, которую везли четыре крошечных пони. На другое утро нашли Коммодора Нета, лежащего без памяти на свежей могиле Минни. Его унесли домой; злые языки уверяют, что маленький Дон Жуан был просто пьян.

От самых маленьких людей Америки поднимемся к самым великим. Президенту Гейзу изо дня в день не легче. Демократическая партия, работающая без устали с самого дня его плутовских выборов в президенты, предъявила свидетеля – некоего полковника Робертса из Нового Орлеана, который показал, что Гейз во время электоральных выборов прошлого года подкупил 13000 голосов в Луизиане, обещав различным нечистым на руку гражданам высшие должности в Луизиане с предоставлением им полного права грабить страну и обирать ее как заблагорассудится. Подкуп доказан тем, что Гейз, как только овладел президентским креслом, тотчас же отправился в Луизиану и назначил поименованных мошенников на обещанные места. Если это будет вполне доказано, то г. президента не только что вытолкают из Белого дома, но даже оденут в серую куртку и посадят в чернейшую тюрьму. Скандал будет на весь мир. Между тем, грантовская партия не дремлет и его собираются опять сделать президентом. Впрочем, Гранта²¹⁹ обвиняют еще в худших замыслах против конституции. Демократическая пресса кричит на все лады, что почтенный Улисс, в противоположность древнему Улиссу Итаки²²⁰, уехал из своего бывшего царства, захватив с

²¹⁷ Нью-Хейвен (*англ.* New Haven).

²¹⁸ Ньюпорт (*англ.* Newport).

²¹⁹ Грант Улисс Симпсон (1822–1885) – 18-й президент США (1869–1877).

²²⁰ Речь идет об Одиссее (*лат.* Ulysses).

собой Пенелопу и Телемака лишь из одной хитрости, дабы предоставить отсутствием своим еще более свободы своей партии хлопотать за него; что он гнет не более и не менее как на то, чтобы превратить республику в монархию; что он, подобно Наполеону III²²¹, добивается совершить *coup d'état*²²² и *короноваться* королем, если не императором; что он во время настоящего путешествия водится лишь с коронованными особами, а на плебу²²³ смотрит с презрением, забывая, что он сам тридцать лет тому назад убирал навоз на скотном дворе своего хозяина, фермера, и т.д. и т.д. В заключение сенсации пресса – особенно газета *Sun* – объявляет прямо, что при первой его попытке обратить республику в монархию Гранта убили бы, как собаку. *Eviva la liberta*²²⁴!

Между тем, индейцы бунтуют и режут под видом возмездия (впрочем, весьма заслуженного) целые семейства белых сетлеров. В обвинительной статье «Как христиане цивилизуют краснокожих» газета *Геральд* с негодованием протестует против правительства. Генерал Крук²²⁵, которого никто не обвинит в сентиментальном пристрастии к индейцам, говорит следующее: «...Индейцы наши никогда еще не находили правосудия у нас; и не было примера, чтобы белый американец когда-либо пострадал за свои преступления *против краснокожего*. Я знал *скуой* (женщин)²²⁶, которых сетлеры ловили, бесчестили, засекали до смерти, а когда краснокожий заступался за жену или дочь – в него стреляли и убивали, как дикую кошку...» Генерал Поп²²⁷ говорит в своем адресе²²⁸ к жителям Цинциннати, что «все возмущения индейцев, все до одного, были лишь возмездием за кровавые поступки с ними с нашей стороны... Целые орды белых, хорошо вооруженных бродяг и разбойников, проникают в степи, обитаемые индейцами, и грабят, и убивают несчастных дикарей беспрепятственно».

То, что белый творит с индейцем, остается навеки сокрытым от публики, но лишь только индеец, доведенный до бешеного отчаяния, осмелится защищаться, этот *проступок* тотчас же доводится до сведения читателей... Вдобавок ко всему этому генерал Шерман разразился в бурной речи к конгрессу следующими фактами: «Не довольно того, – говорит он, – что краснокожие были постоянно обмануты сделками правительства, что их грабили, отымали у них земли, травили их, как диких зверей; что агенты наши их морили с голоду и холоду на собственных уделах, а солдаты стреляли в них, как в зверей, как только те переходили границы этих уделов, но краснокожие еще вдобавок теперь вынуждаемы бежать до пределов континента и буквально утонать в море перед этим безобразнейшим жестокосердом, так красноречиво называемым в речах наших ораторов: *наступающей волной цивилизации!*...» «Да! – вздыхает честный *Геральд*. – Последние постоянные открытия в рядах избирателей и ужасы, произведенные правительственными агентами с несчастными индейцами, выставляют в глазах света нашу благочестивую, христианскую нацию – *нацией лгунов, воров и животных*».

А дабы убедиться, как заслужен этот каталог прилагательных имен, не угодно ли взвесить следующие происшествия? Наши газеты от 15-го августа гласят следующее: «Привлеченный ужасающими криками детского голоса, полисмен, сержант Фролей, побежал по направлению темной аллеи Центрального парка, откуда слышались крики. Набегу он подал сигнал товарищам, и прибежавшие полицейские вырвали из объятий *почтенного старца девятилетнюю девочку*, которую тот насиловал. Старец оказался *преподобным Франсисом Лиём*, пастором церкви баптистов. *Ему 65 лет*. Он умолял сержанта самым трогательным образом отпустить его и *не бесчестить его семейство* (!). Франсис Лий состоит вдобавок к пасторству и учителем воскресной школы, в которой он и влюбился в девочку, посещавшую это благочестивое заведение. В карманах престарелого преступника, которого заперли в полицию, найдены, меж множеством трактатов и памфлетов благочестивого церковного содержания, непозволительно безнравственные гравюры...»

Назидательное происшествие, не правда ли?

²²¹ Наполеон III Бонапарт (1808–1873) – президент (1848–1852) и император (1852–1870) Франции.

²²² государственный переворот (*фр.*).

²²³ народ (от *лат.* plebs).

²²⁴ Да здравствует свобода (*фр.*).

²²⁵ Крук Джордж (1828–1890) – американский генерал.

²²⁶ скво (*англ.* squaw).

²²⁷ Поуп Джон (Pope, 1822–1892) – американский генерал.

²²⁸ письменном приветствии.

А вот еще одно, получше: от августа 14 (во всех газетах). Эдуард Вест, дьякон²²⁹ и старшина пресвитерианской церкви в Бруклине, был арестован вчера полицией, позванной его старшим сыном, заставшим отца своего на самом акте изнасилования собственной его, Эдуарда Веста, 8-милетней дочери (!!). Каковы нравы?.. В довершение сенсации представляю еще выписку из газет о последнем происшествии 15 августа (См. *Геральд*, авг[уст] 15).

«Страшное, неслыханное, *даже у нас*, преступление подняло на ноги всю тихую улицу Парк-стрит в Уиллиамсбурге (предместье Нью-Йорка)²³⁰. Богатый мраморщик В.Бертон в припадке бешенства (без сомнения) убил свою мать за то, что она, забеременев от него и не будучи в состоянии скрывать своей беременности, стала упрекать его в своем положении и грозила открыть обоюдное преступление. Он убил ее топором; затем, заметив престарелую бабушку свою, которая вошла в комнату, преступник повалил ее и изрубил в куски. Маленькая сестра Бертонна, которая слышала всю сцену и видела, как брат, убив мать, борется с бабушкой (здесь газеты прибавляют возмутительные подробности), выскочила в окно и криками своими привлекла, наконец, полицию».

Эти милые факты дают вам некоторое понятие об уровне нравственности свободной, слишком *свободной* Америки.

С другой стороны, грабители и ночные воровства с взломом совершенно одолели публику. Было у нас время, когда эти почтенные промышленники добивались целей своих хитростью и лукавством. Замки бывали осторожно взламываемы, крепкие сундуки отправлялись тихонько через окно и сокровища как-то чудодейно испарялись под самым носом ошеломленной жертвы. Но те блаженные времена давно прошли. Воры предпочитают теперь аргумент грубой силы всякому другому. Еле нью-йоркская полиция оправилась от изумления при виде грабежа среди белого дня и в многолюдной улице обессиленного кассира, которого мгновенно повалили хлороформом и отняли мешок с 3000 долларов, как случилось еще нечто лучшее: четыре человека преспокойно входят в вагоны экстренного поезда на пасифической²³¹ железной дороге и, приставив четыре револьвера к головам кондуктора и агента, везшего 50000 дол[ларов] в Омагу²³², заставляют последнего выдать им кассу, а затем остановить поезд, дабы вора́м было удобнее выйти!.. Все это совершилось четыре дня тому назад и в одно мгновение ока деньги исчезли; грабители ушли; ограбленные остались с разинутыми ртами. Картина!.. Дело дошло до того, что кассиры, переезжая из одного банка в другой и из своих мануфактур в банки и обратно, вынуждены теперь ездить в каретах *с полудюжиной вооруженных людей* для протекции²³³, и это в Нью-Йорке среди белого дня! Этот факт уму непостижимый, но, тем не менее, *факт*. Наш передовой, цивилизованный, залитый газом, многолюдный и многорельсный Бродуэй, этот увеличенный в пять раз Невский проспект Нью-Йорка превратился в блаженной памяти муромский лес!

VII

«Желтый Джек» – непрошенный гость в Соединенных Штатах. – Неприкосновенность язычников вуду. – Попытка к свержению президента. – Религиозные «возрождения» методистов и других сект. – Результат оных. – Современный Лот и его три дочери.

Уныние и страх овладевают страной. Все, что только богато золотом, но «неимущее духом», покидает Америку и удирает без оглядки в Европу от безобразного «Желтого Джека». Тропическая жара настоящего лета – жара неслыханная, убивавшая недавно еще в Сен-Луисе, Чикаго и Нью-Йорке от 30 до 78 человек в сутки, найдя, вероятно, что смерть от истощения и потери сил, вследствие духоты да солнечных ударов, не довольно еще быстро действует, заключила союз с национальным палачом Ост-Индии – желтой горячкой, прозванной «Желтым Джеком», и поручила ей добивать всех улизнувших от нее жертв. Завезенный недели три тому назад в Новый Орлеан из

²²⁹ Духовный сан, равный протоиерею. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²³⁰ Уильямсбург (*англ.* Williamsburg).

²³¹ тихоокеанской (*англ.* pacific).

²³² Омаха (*англ.* Omaha).

²³³ защиты (*англ.* protection).

Гаваны в грузе баранов, «Джек» стал убивать сперва по два, по три человека в сутки. Затем, набив руку, увеличил жертвы, и дело дошло до 15 и 25 случаев смертности. Но с неделю тому назад он вдруг разохотился; в прошлое воскресенье заболело 134 человека, из которых умерло 121, а затем пошло писать... Сегодня уже умерло 188 человек.

В настоящее время «Джек» медленно, но прямо подступает к Нью-Йорку. 16 августа заболело двое рабочих, убежавших сюда из Нового Орлеана, и оба умерли. Эпидемия распространяется с ужасающей быстротой. Словно прогрессивный мартингал²³⁴ в рулетке, она ежедневно удваивает свои куши. Учредив главную квартиру в Новом Орлеане и во всей Луизиане, она разветвилась и далеко пустила отпрыски. Появившись в Гренаде (Миссури) и убив в три дня 134 человека, она заглянула в Мемфис (Теннесси) и тотчас же отправила 180 человек к праотцам. Третьего дня желтое чудовище поселилось в Вилксбурге²³⁵ и быстро поползло по обоим берегам реки Миссисипи. Сегодня утром власти Вильмингтона²³⁶ получили из Каиро²³⁷ (Миссури) телеграмму следующего содержания: «*Мэру г. Вильмингтона*. Помогите нам докторами и хоронить наших покойников. Город превратился в кладбище. Наш мэр сейчас только умер, и у нас не осталось ни одного человека из городских властей в живых. Отставной майор Мельтон».

На что власти Вильмингтона ответили: «Нас осталось в живых всего двое. Последний доктор умер. Просим помощи из Нью-Йорка».

Но «Желтый Джек» превращается теперь в «черного»: как только заболевает жертва, то она тотчас же пухнет и делается иссиня-черной. Это уж не горячка, а настоящая чума. Хуже всего, что эта эпидемия, раз появясь в каком-нибудь городе, не прекращается до первых морозов. А у нас, в северном Нью-Йорке, еще вчера только стояло 99 гр[адусов]²³⁸ в тени.

Существует одна странная черта или, скорее, противоречие, прямо идущее против ученых выводов и доказательств докторов. Последние утверждают, будто бы желтая горячка, как и холера, развивается в прямой пропорции с нечистоплотностью людской и грязно-зараженных местностей, и, однако же, луизианские негры, особенно так называемые вуду, грязнейшие животные в мире, никогда не бывали подвержены этому роду мора. Статистика смертности в Америке за последнее 50-тилетие во время подобных эпидемий не указывает ни на одного негра. Они неуязвимы! Тысячи гибнут вокруг них от смертоносного дыхания желтого чудовища, не было еще примера, чтобы оно заразило негра. Нынешний год представил первое исключение, да и то в одной Гренаде. Из 17000 уже умерших в Луизиане, нет ни одного «цветного» *джентльмена* или *леди*. Христиане гибнут, как мухи, от всяких эпидемий, но вуду остается неприкосновенным.

Не безынтересно вашим читателям будет знать, что такое вудуизм. Это секта язычников, которая вывезла свои таинственные обряды и церемонии из Африки несколько столетий назад и с тех пор никакие наказания, ни притеснения – сперва со стороны плантаторов-негровладельцев, затем со стороны правительства – не могли обратить этих вуду (Vaudou) в христианство. Их насчитывают в Луизиане до 15000. Они живут отдельно от прочих негров и презируют христианских собратий, а последние страшно боятся вуду, так как считают их за колдунов, водящихся с нечистой силою. Да и не одни невежественные негры верят этому. Много раз случалось мне говорить с образованными людьми из высшего ново-орлеанского общества. Некоторые из них, как бы стыдясь такого суеверия, настаивают между тем, что вуду обладают страшными и неизвестными еще науке ядами Африки, которыми они убивают тех, кого ненавидят, медленной смертью или же сводят их с ума.

Они указывают при этом как на пример на бедную безумную Шарлотту²³⁹, жену императора Максимилиана²⁴⁰, коей прислуживала негритянка-вуду, подкупленная мексиканцами, дабы свести с ума. Другие, верящие в новейшую философию спиритов, утверждают, что члены этой секты,

²³⁴ Мартингейл (мартингал, *фр.* martingale) – система управления ставками в азартных играх. Начинается игра с некоторой заранее выбранной минимальной ставки. После каждого проигрыша игрок должен увеличивать ставку так, чтобы в случае выигрыша окупить все прошлые проигрыши в этой серии, с небольшим доходом.

²³⁵ Вилксберг (*англ.* Vicksburg).

²³⁶ Уилмингтон (*англ.* Wilmington).

²³⁷ Кейро (*англ.* Cairo).

²³⁸ 99° по Фаренгейту соответствует 37,2° по Цельсию.

²³⁹ Шарлотта (1840–1927) – принцесса Бельгии, жена Максимилиана I.

²⁴⁰ Максимилиан I (1832–1867) – эрцгерцог Австрийский, император Мексики с 1864 по 1867 г.

обладая громадным животным магнетизмом, месмеризируют жертву свою и таким образом губят...

Как бы то ни было, а эти негры пользуются громадной известностью. Боясь их таинственной силы, миссионеры, после того как трое их умерло один за другим среди этого народа, давно предоставили их самим себе, а правительство не вмешивается.

Они выбирают себе королеву, всегда молодую и белую креолку, и содержат ее в роскоши. Каждый месяц во время полнолуния толпами они отправляются в самую недоступную чащу лесов или на горы и там производят свои религиозные обряды, в то же время варя и приготавливая в громадных котлах травы и разные таинственные снадобья для своих лекарств. Королева, совершенно нагая, и их священники-«колдуны» пляшут вокруг котлов что-то вроде макабрского танца²⁴¹. Молва гласит ужасы про эти ночные церемонии. Несколько раз подавались в суд прошения против членов секты – кто упрекая, что такой-то вуду «сглазил» его умершую дочь, кто обвиняя другого, что он обратил любовь жены к мужу в неодолимое отвращение, и т.д. Но судьи «конституции» не верят ни в «глаз», ни в магические зелья, а потому вуду всегда выходили из них с торжеством и их теперь оставляют совершенно свободными. Читая про них и слушая рассказы об этих колдунах XIX столетия, так и переносишься назад к блаженным временам средневекового суеверия и костров святой инквизиции, на которых ведьмы и чародеи так успешно поджаривались в собственном жире!..

Говоря о ведьмах и колдунах, дошло ли до слуха образованной и скептической Европы, что в прошлом году в маленьком местечке Венесуэльской республики в Южной Америке гг. местные католические патеры присудили [к] сожжению на костре двух стариков – мужа и жену – именно по подозрению в колдовстве! 16 июня их повели с церковными церемониями на лобное место, где возвышался железный столб среди костра, привязали и во имя Христа и Св[ятого] Антония²⁴², милосердного патрона этого счастливого городка, спокойно зажарили престарелую чету до смерти!..

Но все это...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой²⁴³...

так как два года в Америке, ввиду постоянного вихря самых разнохарактерных событий, все равно, что двадцать лет в Европе. Найдутся у нас события и посвежее.

Одно из самых интересных – это то, что, несмотря на «Желтого Джека», на бойню краснокожих дикарей цивилизованными христианами, на угрожающую войну с Мексикой, новый президент которой Диас²⁴⁴ был сильно оскорблен Гейзом (хотя Диас имеет гораздо более законных прав на президентское место в Мексике, нежели Гейз в Соединенных Штатах), – несмотря на все это, гроза, производимая нашими демократами-калхасами²⁴⁵, продолжает реветь над головою президента Белого дома. Сегодня газеты уже уверяют, что допрос свидетелей окончен: подкуп голосов со стороны Гейза доказан и конгресс будто бы уже решился, предварительно вытолкав его из «чужих саней», предать узурпатора суду. Это в мире политики; в мире же религиозном народы Греции, то бишь Америки, превзошли и ежедневно превосходят самые отчаянные сатурналии²⁴⁶ древнего мира язычников и средневекового фанатизма; американцы сумасшествуют и доводят до *nes plus ultra*²⁴⁷ все, за что ни примутся. Эта черта народная. Всякая манифестация в политике или в деле религии доводится у них до чертиков; и если у других народов между великим и смешным

---

²⁴¹ Макабрский танец – макабрская пляска, «танец смерти», по средневековым верованиям в нем кружились мертвецы всех возрастов и званий.

²⁴² Антоний Великий (251–356) – раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельнического монашества.

²⁴³ Строки из поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила».

²⁴⁴ Диас Порфирио (Díaz, 1830–1915) – мексиканский государственный и политический деятель, президент Мексики (1877–1880, 1884–1911).

²⁴⁵ В древнегреческой мифологии Калхас – жрец и прорицатель, сопровождавший легендарного царя Микен Агамемнона в походе на Трою.

²⁴⁶ Сатурналии (*устар.*) – бесшабашный, разгульный праздник, кутеж.

²⁴⁷ крайнего предела (*лат.*).

всего один шаг, то у нас одного от другого и не отличишь. Каждое лето, например, христианские секты устраивают под открытым небом так называемые «духовные воскресения или возрождения» (Revivals). Проведя десять месяцев в году в допускаемых законом или, скорее, недоступных закону кражах, грабеже и вообще в нарушении всех десяти заповедей, те из гг. янки, которые еще во что-нибудь верят, с первым благотворным дуновением весны начинают чувствовать такую же потребность духовного возрождения, как и желудочного. Для обновления пищеварительных органов рекламы о патентованных пилюлях и микстурах украшают у нас все углы улиц, а для возрождения души устраиваются вышеуказанные *Revivals*. Воюющие методисты, в нос пищащие баптисты, прыгающие миллениумисты (секта, ожидающая ежегодно второго пришествия или миллениума²⁴⁸) начинают бродить целыми толпами по обоим берегам реки и по взморью океана, отыскивая удобное для себя место. Между сектами часто случаются в это время столкновения из-за местностей, и во время последующих религиозных церемоний чаще приходится видеть меж сектантами богомольцев с разбитыми носами и фонарями под глазами, нежели со здоровыми физиономиями. Выбрав, наконец (не иначе как по наитию Св[ятого] Духа, который якобы руководит их старшинами), удобное для нескольких тысяч народа место для лагеря, как было приказано сынам Израиля в Ветхом Завете, методисты строят на нем «табернакль»²⁴⁹ или Скинию Завета, по закону Моисея, и объявляют о том своим сектантам.

Вследствие врожденного любопытства «Голос» последовал на прошлой неделе за толпами методистов и теперь намерен поделиться своими курьезными впечатлениями с читателями почтенного *Вестника*.

Представьте себе огромное место на берегу Атлантического океана, среди которого возвышается палатка – «Скиния Завета», окруженная другими меньшими палатками числом от 2 до 3-х, в которых помещаются до 10 и 15 тысяч человек. Когда «верующие» отдыхают (на что им предоставляется лишь шесть часов в сутки), то лагерь легко уподобить городу мертвых, до такой степени в нем царствует тишина, но вдруг раздаются среди этого мертвого спокойствия пронзительные удары по гигантскому бронзовому тамтаму или китайской гонги, по которой, за отсутствием колоколов, призываются к службе христианские правоверные. Как пчелы, обеспокоенные в ульях, вылетают из палаток граждане и с глухим, продолжительным жужжанием окружают табернакль. Проповедники и проповедницы – последние всегда превышают числом первых – один за другим быстро вскакивают на что попало, на пустые бочки, ящики, сундуки, и начинается страшное кривляние... Это, извольте ли видеть, *Св[ятой] Дух* овладевает их организмами! Это *Он Сам* говорит их устами, конвульсивно передергивая их членами и изрыгая ругательства не в бровь, а прямо в глаз другим сектам!.. Полноте и оригинальности прилагательных, употребляемых этими проповедниками, позавидовали бы любые торговки рыбою. Это какое-то беснование под именем религиозных обрядов! Шум и крик, вылетающий из десяти тысяч грудей, восклицания, слово «аллилуйя» и возгласы к «Богу Израиля» слышны за пять миль. От времени до времени среди воя и прыгания «бесопляски» раздаются вопли: «Я обращен! Я верю, верю, слава! Я вижу Христа, вот Он в голубой (или красной, или белой – по фантазии обращенного) одежде. Он стоит возле меня!», и вновь обращенный вопит, пока не упадет в конвульсиях. Один фанатик на собственных моих глазах все время кричал, что он видит Христа, *грозящего кулаком* (!) по направлению лагеря ненавистных ему баптистов! Другой, хромым, подскакивал и подпрыгивал на одной ноге, ловя в воздухе палкой с изогнутой ручкой «Бога за ноги» (sic), и прикрикивал: «Сюда, сюда Христос, мой Бог! Сюда ко мне... Я поймал его, он не уйдет от меня... Слава, слава!..» Я очень боялся, что вместо Христа он больно заденет палкой по носу смиренный «Голос». Но финальный букет дня, проведенного мною в лагере методистов, состоял в том, что преподобная Алиса Лукреция Джонс, известная *проповедница и пастор* церкви методистов в Нью-Джерсее, накричавшись до сипоты и пляски св[ятого] Витта во время речи о Маккавеях²⁵⁰, вдруг свалилась с бочки и тут же под бочкой *разрешилась от бремени* сыном. Казус сей чрезвычайно обрадовал ее паству, которая увидела в нем прямо руку и благословение Божие. Через несколько дней появилось в газетах объявление о крестинах «сына табернакля», которого и

²⁴⁸ Миллениум (англ. millennium тысячелетие) – тысячелетнее царство Христа, золотой век.

²⁴⁹ шатер (лат. tabernaculum).

²⁵⁰ Маккавеи – ветхозаветные мученики за веру.

нарекли при св[ятом] крещении – *Маккавей Навуходоносор Иисус Табернакль Джонс*. Не удивляйтесь: имя «Иисус» здесь весьма обыкновенно.

Теперь о религиозном лагере баптистов. В нем всякий новообращенный прежде всего отводится в сторону и запирается вместе с другими новообращенными в нарочно для этого выстроенный сарай. По окончании проповеди и увещания проповедник, которому удалось приобрести лишнюю овцу к пастве Христовой, выпускает обращенных из сарая и тотчас же начинается обряд крещения в море. Их погружают с головою в воду мужчин и женщин, одетых в полные костюмы, ибо портить платья у нас считается знаком полного обращения. Потом их тут же отводят *сушить* в тот же сарай. В прошлое воскресенье один пастор окрестил 2872 человека, и это от полудня до заката солнца.

Эти религиозные торжества продолжаются от двух до трех летних месяцев. Затем «Скинию Завета» снимают и прячут до будущего года, а вновь обращенные отправляются по домам и тотчас же принимаются по-прежнему мошенничать, воровать и грешить на все лады. Да почему же и не грешить им! Зачем терять золотое время? На будущий год они опять отправятся в лагерь «возрождения», снова почувствуют себя «обращенными», а поэтому самому, т.е. по учению их сект (в этом все протестантские секты сходятся), будут вполне очищены от всех грехов. Один из вновь обращенных «ангелов», так они величают друг друга после обращения, несмотря на этот сан, попался на днях. Прощенный за прошлогодние грехи небом, он был арестован полицией и приговорен к трем годам тюремного заключения жестоким и еще необращенным правосудием. Мистер Карл Киркер, счастливый вдовец и отец семи дочерей от девяти до 24 лет, «не желая обижать их мачехой или выносить из дома деньги, которые могли пригодиться дочерям», как объявил сей достопамятный муж в оправдание свое на суде, он рассек гордые узел если не совсем оригинальным, то зато совершенно патриархальным образом. Лот, гражданин Содомы и Гоморры, как известно, принес дань на алтарь *человечества* с двумя дочерьми и то в нетрезвом виде, но м-р Киркер прибавил к двум старшим и третью 16-летнюю девочку и, *женившись* на всех трех, мормонствовал с ними несколько лет. Младшая, узнав об «интересном положении» одной из сестер, приревновала, как видно, и *подала в суд прошение на отца и сестер*. Можете вообразить, какой скандал мог бы из этого выйти, если бы Америка была Европой. Но у нас подобные происшествия стали так обыкновенны вследствие легкого «духовного» возрождения и отпущения грехов пасторами, что сей казус проходит почти что незамеченным!